8.—

Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній

„Пров 49"

ЖИЗНЬ ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ

Das Leben in der Schlüsselburger Festung
La vie dans la citadelle de Schlüsselbourg

1904 · БЕРЛИНЪ · 1904
Изданіе Гуго Штейница

1904 · BERLIN · 1904
Hugo Steinitz Verlag

Часть 107

Мар. 3,—

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

1.	**Шидарь**, Нравственныя задачи XX-го вѣка (Moralische Aufgaben)	1,50 Мар.
2.	**Л. Н. Толстой**, Письмо къ Поляку (Polen-Briefe)	—,60 „
3.	—, Разумъ (Vernunft, Glaube)	—,80 „
4.	—, Не воевай (Kämpfe nicht)	—,80 „
5.	—, Палкинъ (Palkin)	—,80 „
6.	—, Патріотизмъ или миръ? (Patriotismus)	—,80 „
7.	—, Плоды просвѣщенія (Früchte)	1,— „
8.	—, Крестникъ (Patenkind)	1,— „
9.	—, Мысли о Богѣ (Gedanken)	1,20 „
10.	—, Рабство нашего времени (Sklaverei)	1,50 „
11.	—, О смыслѣ жизни (Sinn des Lebens)	1,50 „
12.	—, Христіанство (Christentum)	2,— „
13.	—, Половой вопросъ (Sexuelle Frage)	2,— „
14.	—, Воскресеніе (Auferstehung)	3,50 „
15.	—, Царство Божіе, 2 части (Reich Gottes)	**Не имѣется**
16.	**Б. Чичеринъ**, Польскій и еврейскій вопросы (Polnische und jüdische Frage)	1,— Мар.
17.	**М. Горькій**, Запрещенное (Verbotenes)	1,— „
18.	**Толстой и Святѣйшій Синодъ** (Tolstoi und Synod)	1,50 „
19.	***, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія (Russland am Vorabend)	2,— „
20.	***, Послѣднія революц. событія (Ereignisse)	2,— „
21.	**Н. Т.**, Тайны зимняго дворца (Geheimnisse)	4,— „
22.	**М. Горькій, Л. Н. Толстой и др.**, На злобу дня (Gorki, Tolstoi etc., Tagesfrage)	1,— „
23.	***, Жизнь и ученіе Могаммеда (Mohamed)	5,— „
24.	**Л. Н. Толстой**, Письма о его ученіи (Tolstoi Lehre)	1,— „
25.	—, Единственное средство (Einzige Mittel)	1,— „
26.	—, Крейцерова соната (Kreutzersonate)	1,50 „
27.	—, Исповѣдь (Beichte)	3,— „
28.	—, Въ чемъ моя вѣра? (Glaube)	4,— „
29.	***, Изъ революціонной русской литературы (Revol. Literatur I)	3,— „
30.	**Л. Н. Толстой**, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Kriegswerk)	1,50 „
31.	—, Что такое религія (Religion)	2,— „
32.	**А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы (Obmanow)	1,— „
33.	**Л. Н. Толстой**, Мысли о воспитаніи (Erziehung)	1,20 „
34.	Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ (Karpowicz)	1,— „
35.	Л. Н. Толстой къ Духоборцамъ (Sendschreiben)	1,— „
36.	**Л. А. Волкенштейнъ**, 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung)	2,— „
37.	Декабристы (Dekabristen)	1,— „
38.	**Л. Н. Толстой и А. Герценъ**, О насиліи (Gewaltthätigkeiten)	1,— „

2 шк
ж
„Пров 4971

Жизнь
въ Шлиссельбургской крѣпости.

ЖИЗНЬ

ВЪ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ

БЕРЛИНЪ.

Изданіе Гуго Штейница.

Шарлоттенштрассе 2.

I.

Постройка Шлиссельбургской тюрьмы была окончена въ 1883 году, но населять ее стали только въ августѣ 1884 г. Первую партію равелинцевъ*) привезли въ Шлиссельбургскую тюрьму 15-го августа въ баржѣ, на которой были устроены одиночныя камеры для каждаго, такъ что и это коротенькое путешествіе по рѣкѣ было обращено въ плавучую тюрьму со всѣмъ равелинскимъ режимомъ: тѣ же одиночныя, только уже болѣе

*) Равелинцевъ было 11 человѣкъ: Григорій Исаевъ, умершій въ Шлисс. крѣп. въ 1886 г.; Савелій Златопольскій, умершій въ концѣ 1885 г.; Николай Морозовъ; Буцевичъ, умершій весною 1885 г.; Юрій Богдановичъ, умершій въ 1888 г. лѣтомъ; Арончикъ, умершій въ 1886 г.; Петръ Поливановъ; Клименко (по однимъ свѣдѣніямъ повѣсился, по другимъ, его сняли съ петли еще живого, но послѣ этого онъ вскорѣ умеръ); Михаилъ Фроленко; Тригони и Грачевскій.

тѣсныя, болѣе низкія и душныя кельи съ миньятюрными окошечками и съ „глазками“ въ дверяхъ, выходящихъ въ корридоръ; тѣ же безмолвно и неустанно шагавшіе въ корридорѣ преданные „голубые“, то и дѣло заглядывавшіе въ „глазки“. Запертые въ кельяхъ были всѣ закованы въ цѣпи. Нѣкоторые изъ нихъ, у кого фантазія еще не заснула подъ тяжестью равелинской жизни, у кого еще жила надежда вырваться въ лучшія условія, думали, что ихъ везутъ не въ Шлиссельбургъ, а на Кару, что одиночная жизнь кончена, что вотъ скоро они очутятся среди товарищей, не будутъ оторваны отъ свободныхъ людей и родныхъ. Какое жестокое разочарованіе! Но были и такіе, которые мрачнѣе смотрѣли на свой отъѣздъ изъ равелина.

Покойный Похитоновъ и Буцинскій разсказывали о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ, когда ихъ выводили, вѣрнѣе выносили подъ руки изъ стѣнъ равелина.

Была ночь и ночь довольно темная: все небо было покрыто сплошными тучами. Вдругъ голубые отворяютъ камеру и приглашаютъ пожаловать. Куда, зачѣмъ — не говорятъ и не отвѣчаютъ. Зачѣмъ я имъ понадобился?

— спрашивалъ себя Буцинскій — можетъ быть переводятъ въ другой номеръ? Но вотъ его ведутъ не въ другой номеръ, а въ кордегардію, гдѣ собралось множество голубыхъ и нѣсколько офицеровъ, подъ предводительствомъ начальника. Здѣсь его переодѣваютъ, осматриваютъ и надѣваютъ кандалы. — Ну, значитъ, увозятъ. . . Должно быть на Кару — мелкнуло у него въ головѣ. Онъ было уже обрадовался, и фантазія его разыгралась, какъ онъ вновь очутится тамъ, какъ увидитъ своихъ старыхъ друзей, будетъ имѣть возможность переписываться съ родными, станетъ читать журналы и дѣлать выписки по статистикѣ. Вы знаете, — говорилъ онъ мнѣ послѣ, — я ужасно люблю статистику. Въ равелинѣ, гдѣ ничего намъ не давали, я припоминалъ цифры и, представьте, очень много запомнилъ.

Но пока фантазія его работала въ этомъ направленіи, голобые о чемъ-то шептались, бѣгали, суетились — и вдругъ, подхвативъ его подъ руки, словно какую нибудь вещь, съ которой нечего разсуждать, поволокли по двору. Затѣмъ вывели черезъ ворота къ рѣкѣ, гдѣ положены были сходни къ баржѣ.

Дорогу освѣщалъ одинъ изъ голубыхъ. Что это? Неужели топить? Неужели сейчасъ меня бросятъ въ эту темную холодную воду? — подумалъ Буцинскій; если бы не цѣпи, я навѣрное спасся бы. Я вѣдь плаваю хорошо и долго могу продержаться на водѣ. Но какъ быть съ цѣпями? Какъ бы ихъ сбросить? — спрашивалъ онъ себя.

Неужели, Буцинскій, — спрашивали его, — вы серьезно такъ думали въ то время? Какъ вы могли допустить подобныя мысли! Вѣдь избавиться отъ всѣхъ насъ, у нихъ есть болѣе удобныя средства, безъ шума, безъ хлопотъ и безъ присутствія лишнихъ глазъ. А тутъ, вѣдь, трупъ можетъ всплыть. Вѣдь вы знаете, какъ тщательно скрываютъ они наши трупы?

— Да и какъ еще серьезно думалъ, — отвѣчалъ онъ, — я припомнилъ все въ тотъ моментъ, гдѣ, какъ и сколько я плавалъ. . . Эта таинственная обстановка, эта тишина, эта ночь, это загадочное перешептываніе жандармовъ, ихъ тупыя физіономіи, — все настраивало меня на такія мысли. Теперь мнѣ, конечно, самому смѣшно, но тогда, о, тогда я

готовъ былъ дѣлать самыя ужасныя предположенія.

Почти тоже самое разсказывалъ и Похитоновъ, только онъ не собирался спасаться. Да и не спаслись они: ихъ утопили не въ водѣ, а въ душныхъ камерахъ Шлиссельбургской тюрьмы. . .

Многіе, впрочемъ, догадывались, куда ихъ везутъ, и хотя не рисовали себѣ свѣтлой жизни въ новомъ склепѣ, но все же радовались перемѣнѣ, по пословицѣ: „хочь гірше, та інше“. Такъ имъ опротивѣлъ, надоѣлъ равелинъ со всей его обстановкой.

За всю дорогу имъ не только не пришлось видѣть другъ друга, но и перестукнуться. По прибытіи же къ острову ихъ выводили изъ баржи по одиночкѣ. На берегу, передъ крѣпостными воротами ихъ уже ожидало начальство: комендантъ крѣпости, его помощники — офицера, докторъ, взводъ солдатъ съ блестящими ружьями и въ парадной формѣ, и, наконецъ, голубые — будущая стража тюрьмы. Какъ видите, встрѣча довольно торжественная, но торжественность эта была глухая, мертвая, зловѣщая. Все и всѣ молчатъ, какъ рыбы, лишь озирая съ ногъ до головы каж-

даго плѣнника. Съ такимъ же безмолвіемъ, но съ какой-то демонской быстротою и дерзостью голубые схватываютъ каждую жертву, какъ будто боясь, какъ бы она не ускользнула, и вновь влекутъ ее внутрь стѣнъ. Здѣсь проводятъ еще черезъ желѣзныя ворота, отдѣляющія тюремный дворъ отъ двора, гдѣ живетъ начальство, солдаты и голубые, приводятъ, наконецъ, къ тюремнымъ и расковываютъ. Освобожденіе отъ цѣпей производитъ сильное впечатлѣніе: воскресаетъ какая то надежда, смутная, неясная; мысль, подавленная суровой обстановкой, загадочностью дальнѣйшей судьбы, снова оживаетъ.

Я и до сихъ поръ не могу забыть того, что пережилъ, когда меня расковали. Меня привезли одного, въ кибиткѣ, и тоже подвели подъ каменные своды воротъ. Тутъ уже ждало меня нѣсколько жандармовъ; одинъ изъ нихъ съ молотомъ и зубиломъ.

— Ногу надо поставить вотъ такъ! — съ самодовольствомъ сказалъ мнѣ смотритель: здѣсь въ цѣпяхъ не сидятъ.

Я поставилъ. Раздался тяжелый ударъ молота, — и одна моя нога свободна, еще

ударъ — цѣпь свалилась. Какъ легко, подумалъ я, — а въ глазахъ даже потемнѣло, — я свободенъ, свободенъ отъ цѣпей! Хоть ноги-то теперь могутъ свободно двигаться, я могу ходить какъ человѣкъ: цѣпи не будутъ гремѣть, звенѣть и рѣзать мнѣ душу своимъ лязгомъ. Неужели и руки еще раскуютъ? Я посмотрѣлъ на ручныя цѣпи. Мнѣ хотѣлось поскорѣе сбросить и ихъ. Какъ хорошо, легко буду чувствовать себя.

Желаніе это быстро исполняется уже въ самой тюрьмѣ, въ жандармской дежурной, гдѣ вновь производится тщательный осмотръ, перемѣняется платье*), бѣлье; все это дѣлается въ присутствіи коменданта, смотрителя и доктора. Послѣдній осматриваетъ, выслушиваетъ грудь и освѣдомляется о здоровьѣ.

---

*) У мужчинъ было обыкновенное платье арестантовъ-каторжниковъ; для женщинъ же было придумано особое: зимой онѣ ходили въ сѣромъ суконномъ платьѣ, въ сѣрой мужской курткѣ съ черными рукавами и чернымъ тузомъ на спинѣ и въ сѣрой мужской шапкѣ съ чернымъ крестомъ. Впослѣдствіи вмѣсто шапки дали сѣрые суконные платки. Вмѣсто пальто служилъ сѣрый халатъ, а вмѣсто ботинокъ— грубые „коты“. Лѣтомъ выдавалось такое же платье изъ бѣлаго холста.

Вся эта процедура уже сильно разсѣиваетъ радостное настроеніе, вызванное снятіемъ цѣпей. Вполнѣ начинаешь чувствовать себя связаннымъ, но связаннымъ уже невидимыми узами; тяжелое чувство, сознаніе, что ты принадлежишь не себѣ, а только вотъ этимъ сторожамъ, которые, что хотятъ, то и сдѣлаютъ съ тобою, начинаетъ раздражать и оскорблять. Вотъ опять повели тебя куда-то; опять мертвая тишина, таинственность, кошачьи шаги жандармовъ по корридору, ихъ заглядыванія въ „глазки“ дверей. Какъ хитро, осторожно, точно звѣри, подстерегающіе и собирающіеся схватить свою жертву, подходятъ они къ этимъ глазкамъ! Противно и досадно смотрѣть на все это! . . .

Но вотъ отворяется дверь пустой камеры, по виду чистой, высокой, съ матовымъ окномъ, съ желѣзной кроватью, прикованной къ стѣнѣ, съ деревяннымъ столомъ и сидѣньемъ, тоже прикрѣпленнымъ къ полу и стѣнѣ. Впечатлѣніе производится тяжелое, гнетущее; точно входишь въ какой-то склепъ или металлическій гробъ. Присутствіе четырехъ жандармовъ, нѣмыхъ, покорныхъ, съ

устремленными на тебя глазами, и смотрителя, лицо котораго говоритъ тебѣ: я сдѣлаю съ тобою все, что только прикажутъ, еще болѣе усиливаетъ непріятное впечатлѣніе.

— Такъ какъ ты лишенъ всѣхъ правъ, — отчеканивая каждое слово, говоритъ смотритель, — то буду говорить на „ты“. Если будешь хорошо вести себя, то здѣсь получишь все: книги, работу, бесѣду со священникомъ(!). Вотъ инструкція, можешь ее прочесть.

Такое обращеніе сразу уже настраиваетъ враждебно къ этому человѣку. Онъ съ первыхъ же словъ оскорбляетъ васъ, съ первыхъ же словъ издѣвается надъ вами, указывая на ваше безсиліе и на свое всемогущество.

Не всѣ, конечно, одинаково относились къ такимъ заявленіямъ, надѣясь избѣжать или по возможности избѣгать разговоровъ съ нимъ. Но нѣкоторые изъ первой партіи заявили ему сейчасъ же, что и они будутъ отвѣчать ему въ той же формѣ, что, разумѣется, влекло за собою не только непріятности, но и самыя мелочныя придирки и преслѣдованія. Такой человѣкъ, какъ нашъ первый смотритель, не могъ прощать подобныхъ вещей, и

не потому, что это лично оскорбляло его, — нѣтъ, онъ для этого былъ слишкомъ невоспитанъ и совершенно чуждъ чувства личнаго достоинства, — но онъ не въ состояніи былъ только понять, какъ это можно противорѣчить начальству, возражать и не исполнять его требованій. Вѣдь не самъ онъ придумалъ это „ты"; ему приказано такое обращеніе, и онъ во что бы то ни было долженъ его исполнить. Ему приказано держать плѣнниковъ въ подчиненіи и повиновеніи, онъ и долженъ этого добиваться, къ чему бы это ни привело. И онъ, дѣйствительно, не отступилъ ни передъ чѣмъ.

Когда привезли первую партію (15 человѣкъ*), онъ разсадилъ ее такъ, чтобы нельзя было перестукиваться, что было легко сдѣ-

*) Первыми обитателями Шлиссельбургской тюрьмы, кромѣ равелинцевъ, были еще переведенные сюда съ Кары. Карійцевъ тоже было 11 человѣкъ: Минаковъ, Игнатій Ивановъ, Николай Щедринъ, Гелисъ, Михаилъ Поповъ, Дмитрій Буцинскій, Малавскій, Мышкинъ, Кобылянскій, Долгушинъ и Юрковскій. Изъ всѣхъ 11 человѣкъ осталось въ живыхъ только двое: Поповъ и Щедринъ, но послѣдній еще въ 1885 году сошелъ съ ума и въ 1896 году переведенъ въ Казанскую лѣчебницу.

лать, имѣя въ распоряженіи 40 номеровъ. Но потомъ, когда прибыло еще 7 человѣкъ, этого сдѣлать уже было невозможно. Начался стукъ, а съ нимъ безпрестанные выговоры, безпрестанныя угрозы карцеромъ, невыдача книгъ. Покойнику Малавскому, въ послѣднихъ градусахъ чахотки, за стукъ не выдавали книгъ до декабря. Для такого исполнителя воли свыше, какъ нашъ смотритель, не существовало никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Смотритель Соколовъ, или, какъ его называли у насъ, Иродъ, онъ же „церберъ“, былъ пожилыхъ лѣтъ, средняго роста, коренастый, съ круглымъ лицемъ, покрытымъ густой сѣдой растительностью, подстриженной кругло, очевидно для того, чтобы не измѣнять формы лица, съ темносѣрыми глазами, въ которыхъ свѣтилась всегда какая-то бездушная холодность, безучастность и исполнительность. Эти глаза всегда говорили вамъ за него: „я тутъ не при чемъ, я только исполняю приказанія начальства; что мнѣ прикажутъ, то и сдѣлаю. Прикажутъ кормить васъ рябчиками, лакействовать, буду кормить рябчиками, буду лакействовать; прикажутъ мучить, пытать, раз-

стрѣлять какъ куропатокъ, всѣхъ разстрѣляю, всѣхъ истерзаю. Мнѣ никакого дѣла нѣтъ. Я такъ воспитанъ, что привыкъ исполнять приказанія безпрекословно, безъ разсужденій". Да, онъ дѣйствительно былъ такъ воспитанъ. По происхожденію онъ былъ еврей, потомъ перешелъ въ православіе, былъ отданъ въ кантонисты, гдѣ, вѣроятно, ему пришлось отвѣдать всего: и розогъ, и карцеровъ; а, главное, тамъ его пріучили къ строжайшей дисциплинѣ, покорству, научили, какъ самому требовать и какъ добиваться покорства и подчиненія отъ другихъ. Изъ кантонистовъ попалъ онъ въ солдаты, а затѣмъ въ деньщики къ генералу Потапову, тому самому генералу, котораго Нечаевъ ударилъ въ равелинѣ по щекѣ за возмутительное предложеніе выдать товарищей и получить свободу. Служилъ Соколовъ и жандармомъ подъ начальствомъ Судейкина, бралъ „приступомъ" типографію въ Саперномъ переулкѣ. Но какъ онъ сдѣлался офицеромъ, какъ получилъ онъ Георгія — никому неизвѣстно. Это былъ совершенно безграмотный человѣкъ, но съ гордымъ сознаніемъ, что онъ капитанъ, смотритель важной тюрьмы, что у него въ рукахъ

ключи отъ этой тюрьмы, отъ этихъ камеръ. И онъ съ удовольствіемъ гремитъ ими, и никому другому не вручитъ, не довѣритъ ихъ. О, какъ онъ любилъ звенѣть этими ключами, съ какимъ самодовольствомъ отпиралъ и запиралъ онъ камеры. Надо было видѣть его сіяющую физіономію. Съ какимъ искусствомъ щелкалъ онъ ключемъ, повидимому, самъ наслаждаясь своею ловкостью. И неудивительно. Онъ вѣдь въ равелинѣ былъ смотрителемъ, онъ и тамъ запиралъ и отпиралъ двери камеръ.

Строго исполняя приказанія высшаго начальства, онъ безпощадно былъ требователенъ къ своимъ подчиненнымъ жандармамъ. Несмотря на то, что многіе изъ нихъ имѣли по три нашивки на рукавахъ и по большой медали, онъ обращался съ ними какъ съ новобранцами, требовалъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія и вышколилъ такъ, что при немъ они походили скорѣе на автоматовъ, на бездушныя машины, чѣмъ на живыхъ людей. Ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ сказать съ нимъ ни слова. Разъ одинъ новый жандармъ, старикъ, отвѣтилъ кому то изъ заключенныхъ на предложенный ему вопросъ — „хорошо“.

Иродъ, какъ угорѣлый, вскочилъ въ камеру, схватилъ жандарма за воротъ, вытащилъ его вонъ и, хлопнувъ дверью, принялся ругать несчастнаго отборнѣйшей русской бранью и кромѣ того посадилъ его на 4 дня въ карцеръ. Онъ даже дома, въ квартирѣ, запрещалъ жандармамъ много разговаривать. Нашлись такіе истуканы, которые исполняли и такія его приказанія: одинъ даже совсѣмъ онѣмѣлъ, разучился говорить. Когда у насъ открылись мастерскія, и жандармамъ было позволено отвѣчать на наши вопросы, то этотъ несчастный не могъ выговорить слова. Впослѣдствіи одинъ изъ голобыхъ самъ разсказывалъ, какъ имъ было плохо при Соколовѣ, и какъ они рады, что его убрали. „Васъ онъ мучилъ, но и насъ не меньше. Намъ доставалось, пожалуй, еще больше“ — говорилъ онъ.

— Кто же васъ заставлялъ служить здѣсь. Вы могли уйти, — возражали ему.

— Куда уйти? Гдѣ найдешь такую службу, жалованье? У меня семья, дѣти.

Иродъ отлично зналъ это и подобралъ себѣ такихъ подчиненныхъ. Повидимому,

онъ умѣлъ различать людей: ни одинъ изъ его подчиненныхъ никогда не нарушалъ присяги. . .

Таковъ былъ Иродъ. Одѣвался онъ аккуратно и ужасно любилъ свою шинель съ широкими-преширокими воротниками. Даже и лѣтомъ носилъ онъ такую шинель.

Вся первая и вся вторая привезенныя партіи были старые его знакомые-равелинцы, которыхъ за два-три года онъ успѣлъ хорошо изучить, а потому размѣстилъ по камерамъ такъ, чтобы они стучали какъ можно меньше. Больныхъ и неохотниковъ до стука онъ помѣстилъ между „неугомонными стукальщиками“ въ надеждѣ на то, что, молъ, если меня не будутъ слушать, то пожалѣютъ товарищей, не захотятъ раздражать и безпокоить ихъ своимъ стукомъ. Но соображенія его оказались ошибочными. Желаніе подѣлиться мыслями, чувствами, узнать гдѣ кто сидѣлъ, какъ кого здоровье, нѣтъ-ли какихъ новостей до того было сильно, что стучали черезъ камеры, не всегда даже справляясь съ состояніемъ безмолвствующаго сосѣда. На такихъ даже сердились.

Равелинскій режимъ былъ цѣликомъ перенесенъ въ Шлиссельбургъ: та же строгость; та же пища, плохая и скудная; та же коротенькая ежедневная прогулка отъ 20 до 30 минутъ; тотъ же категорическій отказъ имѣть какую-либо переписку съ родными, пользоваться своими вещами и деньгами; то же, наконецъ, постоянное подсматриваніе за каждымъ движеніемъ какъ въ камерѣ, такъ и на прогулкѣ. Все это, конечно, производило тяжелое, безнадежное впечатлѣніе. И вотъ у нѣкоторыхъ зародилась мысль добиваться такъ или иначе измѣненія этихъ условій. Это было начало перваго протеста, который не могъ быть общимъ. Да и откуда бы онъ былъ такимъ? Сношенія между товарищами были очень стѣснены; многіе страдали чахоткой, нервами и даже отказывались стучать. Нежеланіе объясняться съ Иродомъ, выслушивать его замѣчанія, выговоры, угрозы тоже удерживали нѣкоторыхъ отъ стука. И, дѣйствительно, какъ противны, какъ невыносимы — это „ты“, эта нахальная физіономія Ирода, когда онъ, спрятавшись за спины двухъ жандармовъ, готовыхъ по первому его знаку надѣлать вамъ всякихъ непріятностей,

начинаетъ чѣмъ-нибудь угрожать. Нужно было имѣть стальные нервы, чтобы переносить все это. Но нервы были расшатаны, расшатаны до послѣдней степени. Щедринъ былъ уже на порогѣ помѣшательства, Буцевичъ — тоже. Игнатій Ивановъ, хотя и поправился въ Казанской лѣчебницѣ, но, попавъ въ Шлиссельбургскую тюрьму послѣ этого, снова заболѣлъ и психически, и физически. Грачевскій до того изнервничался, что стукъ дверью, форточкой во время раздачи обѣдовъ выводилъ его изъ себя. Гелисъ, Малавскій страдали чахоткой. Исаевъ тоже, Фроленко постоянно хворалъ, Клименко, кажется, уже совсѣмъ былъ помѣшанъ, Морозовъ харкалъ кровью, Юрковскій былъ въ какомъ-то странномъ психическомъ состояніи: ничего не помнилъ, ничего не сознавалъ, что происходитъ вокругъ него, только по ночамъ страшно кричалъ. Арончикъ впалъ въ идіотизмъ и совсѣмъ ни съ кѣмъ не стучалъ и не выходилъ изъ камеры. Долгушинъ только-что оправился послѣ оспы. Изъ болѣе или менѣе здоровыхъ оставались только: Поповъ, Мышкинъ, Тригони, Кобылянскій, Богдановичъ, Поливановъ и Буцинскій. Но послѣднихъ

двоихъ нельзя было считать здоровыми: первый страдалъ нервами и даже галлюцинаціями, а второй почти цѣлый годъ, дѣйствительно, галлюцинировалъ. У Златопольскаго же началась чахотка.

Понятно, что никакого общаго протеста не могло состояться. Пришлось сдѣлать его частнымъ. Минаковъ, Мышкинъ и Поповъ стали требовать переписки съ родными, свиданій съ товарищами, куренья табаку и т. д. Разумѣется, имъ отказали. Тогда Минаковъ сталъ морить себя голодомъ. Доктору приказано было кормить его искусственнымъ путемъ. Можно себѣ представить раздраженіе и возмущеніе Минакова. Вообще злобы противъ доктора у него не могло быть, тѣмъ болѣе, что докторъ — всѣ знали, всѣ видѣли это — самъ по себѣ человѣкъ не злой, но крайне безхарактерный, робкій, несамостоятельный. Иродъ и комендантъ распоряжались имъ какъ ребенкомъ. Безцеремонное обращеніе съ нимъ Ирода часто переходило границы самой простой вѣжливости. Когда онъ долго заговаривался съ кѣмъ-либо изъ больныхъ, Иродъ начиналъ кричать: „Ну, кончайте, выходите, мнѣ некогда“! А иногда

даже бралъ его за рукавъ, произнося ту же фразу. Даже вчужѣ было обидно за доктора. Вѣдь онъ человѣкъ свободный, съ образованіемъ и даже съ дипломомъ, въ военномъ мундирѣ и вдругъ переносить такія дерзости и грубости. Допуская такое обращеніе съ собою, онъ не отказался, конечно, кормить Минакова насильственно. Что побудило его взять на себя такую роль, трудно сказать. Но онъ получилъ отъ Минакова пощечину. И насильственное кормленіе, и голодовка — все кончилось съ этимъ ударомъ. Черезъ нѣсколько дней Минакова приговорили къ смерти, но какъ его судили, гдѣ — осталось неизвѣстнымъ. Послѣ удара онъ, говорятъ, почти пересталъ стучать.

Все это произвело самое тяжелое впечатлѣніе на остальныхъ товарищей, тѣмъ болѣе, что для всѣхъ было тайной, какъ это произошло и почему именно пострадалъ докторъ, а не Иродъ, который заслуживалъ удара каждый день, каждый часъ.

Въ день казни Иродъ явился къ Минакову съ какой-то бумагой и громко сказалъ: „подпишите, — ничего не будетъ!“ — „Не желаю!“

— раздался категорическій отвѣтъ, который слышали сосѣди Минакова. — „Ну, такъ пойдемъ!“ — крикнулъ Иродъ.

Выйдя изъ камеры, Минаковъ прокричалъ: „Прощайте, товарищи! Меня ведутъ казнить!“

Въ отвѣтъ не раздалось ни одного звука. Да, и какой могъ быть отвѣтъ, кромѣ молчаливаго „прости“, безотчетной тоски, боли и тяжелыхъ думъ? . . . . Это было въ сентябрѣ, почти черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія первой партіи.

Вскорѣ послѣ этого была попытка на самоубійство Клименки, которая обнаружилась только тѣмъ, что съ вентиляторовъ были сняты открывавшіе ихъ шнурки и крючки.

Исторіи эти повидимому взбудоражили начальство. Изъ Петербурга сталъ ѣздить каждый мѣсяцъ генералъ Оржевскій, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Комендантъ же посѣщалъ всѣхъ каждую недѣлю. Это посѣщеніе скорѣе походило на періодическое появленіе въ камерахъ живой статуи.

Вѣжливый по наружности, внимательный, сѣдой, высокій старикъ, неизмѣнно являлся

каждую субботу въ дверяхъ камеръ. Изысканно раскланиваясь, разглаживая свою сѣдую бороду и раскачиваясь изъ стороны въ сторону, точно бѣлый медвѣдь въ жаркій день, онъ всегда задавалъ одни и тѣ же вопросы всѣмъ: „какъ здоровье заключеннаго? пища*) принимается? прогулка совершается? Не имѣетъ-ли заключенный какихъ-либо жалобъ, заявленій?“ Онъ избѣгалъ говорить „ты“, но не хотѣлъ употреблять и „вы“, а обращался въ третьемъ лицѣ.

Сначала заявленія дѣлались самыя разнообразныя: говорили о книгахъ, о пищѣ, о перепискѣ съ родными и объ устройствѣ для больныхъ особаго помѣщенія. Но пользы изъ этого не выходило никакой.

— Объ этомъ надо заявить ревизору при первомъ же посѣщеніи, заявленіе, можетъ быть, будетъ принято во вниманіе, — отвѣ-

---

*) Пища, какъ уже сказано, была грубая и давалась въ недостаточномъ количествѣ. За обѣдомъ были щи съ 5—6 маленькими кусочками дрянного мяса, сухожилій и каши — гречневой или ячменной съ масломъ; утромъ и вечеромъ по кружкѣ чаю. Хлѣбъ выдавался только черный. Всѣ посты строго соблюдались.

чалъ комендантъ, покачиваясь и разглаживая бороду, — я этого не могу сдѣлать самъ — все зависитъ отъ высшаго начальства.

— Зачѣмъ же тогда меня спрашивать о заявленіяхъ? — недовольно возражаетъ ему заключенный.

— Можетъ быть, заключенному пищи недостаточно? — неудачно уклоняется комендантъ отъ отвѣта.

Но заключеннаго уже начинаетъ раздражать эта комедія. — Не недостаточно пищи, а она груба; здѣсь много больныхъ, для которыхъ она совсѣмъ негодится.

— Это дѣло доктора, — прерываетъ комендантъ, — надо ему заявить объ этомъ.

Но докторъ стоитъ тутъ же и молчитъ, какъ убитый. Да и что ему говорить? Онъ знаетъ, что, ссылаясь на него, комендантъ дѣлаетъ уловку; онъ знаетъ, что онъ, докторъ, ничего не можетъ, что все зависитъ отъ высшаго начальства.

Тѣ же самые разговоры повторялись и въ другихъ камерахъ. Кромѣ формальности они ничего не значатъ, ничего не даютъ. Тѣмъ

не менѣе эти визиты, надоѣдливые, безплодные давали темы для стука въ этой глухой, ото всего оторванной жизни. Товарищи начинаютъ распрашивать другъ друга: что говорилъ комендантъ, о чемъ ему заявляли и т. д. и т. д. Эти визиты представляли другой интересъ: многіе товарищи пользовались ими для того, чтобы пересчитать, сколько всѣхъ въ тюрьмѣ, для чего становились у двери и слушали, сколько отопрется дверей. Нѣкоторые до того привыкли къ такимъ наблюденіямъ, что дѣлали ихъ совершенно безсознательно, прислушиваясь съ напряженнымъ вниманіемъ къ каждому стуку, къ каждому шороху. У одного изъ товарищей эта привычка сохранилась до послѣднихъ дней, несмотря на то, что сообщенія теперь свободны.

Передъ всякимъ визитомъ по камерамъ производились самые тщательные обыски, — не въ присутствіи, конечно, заключенныхъ, а во время прогулокъ. Сверхъ того обыскивали еще каждаго, раздѣвая до нага и смѣняя бѣлье. Все, что находилось изъ вещей, не выданныхъ Иродомъ, — щеточки, ниточки, камышки, — все это уносилось куда-то.

— Зачѣмъ это тебѣ все? — глубокомысленно спрашивалъ иногда Иродъ, указывая на кусочекъ щетки или палочки — стебелька отъ лавроваго листа, пойманнаго въ щахъ и заточеннаго остро.

— Пуговицу пришивалъ, — неохотно отвѣчаетъ ему спрашиваемый.

— Ничего этого здѣсь не полагается, — твердо и категорически заявляетъ Иродъ: надо сказать — и пришьютъ. Я всегда здѣсь, что нужно, надо сейчасъ же сказать. А самому дѣлать не слѣдуетъ.

Кончивъ коротенькую рѣчь, онъ начальническимъ тономъ кричитъ голубымъ, которыхъ въ это время бывало всегда не менѣе 4, иногда же вызывалось до 6 чел., смотря по тому, въ какомъ настроеніи находился сидящій.

Несмотря на свое невѣжество, Иродъ хорошо наблюдалъ за каждымъ, требовалъ отъ жандармовъ того же и, кромѣ того, заставлялъ ихъ давать самые подробные отчеты. По выходѣ изъ каждой камеры, онъ обыкновенно дѣлалъ наставленія имъ, конечно шопотомъ. Ахъ, какъ раздражалъ, какъ возмущалъ этотъ шопотъ! Точно змѣи шипѣли

за дверью. Этотъ шопотъ, слышался еще каждый разъ передъ тѣмъ, какъ должна отвориться дверь камеры: жандармы сообщили Ироду все, что они видѣли, что замѣтили.

Неутомимый Иродъ такъ точно и аккуратно исполнялъ свои обязанности, такъ вѣрилъ только въ свою преданность, неподкупность и такъ мало полагался на своихъ подчиненныхъ, что онъ ни на минуту не оставлялъ ихъ наединѣ съ заключенными. Не говоря уже о томъ, что между жандармами существовала іезуитская система шпіонить другъ за другомъ, не говоря уже о томъ, что всѣ они были избранные изъ избранныхъ, Иродъ самъ всегда сопровождалъ ихъ, когда они вели кого-либо изъ своихъ жертвъ: одинъ глазъ Ирода былъ направленъ на жертву, другой— на сопровождающихъ ее.

Наступилъ, напр., часъ прогулки: дверь отпирается Иродомъ, въ камеру влетаютъ два жандарма, двое становятся у дверей по обѣимъ сторонамъ и молча стоятъ, точно идолы.

— На прогулку! — говоритъ Иродъ.

И вотъ начинается торжественная процессія: впереди шествуетъ жандармъ, за нимъ

„узникъ“, за послѣднимъ опять жандармъ и, наконецъ, самъ Иродъ. Заперевъ въ клѣткѣ для прогулокъ одного, онъ отправляется за другимъ и т. д., пока не наполнятся всѣ клѣтки. Тогда онъ избирается на вышку, гдѣ ходятъ уже трое голубыхъ, и наблюдаетъ, кто какъ гуляетъ, становясь при этомъ въ генеральскую позу и то и дѣло посматривая на часы, не пора-ли уводить одну смѣну и замѣнять ее другою. Такъ изо дня въ день производилъ онъ это священнодѣйствіе. И, повидимому, ему никогда это не надоѣдало; онъ всегда сохранялъ невозмутимое спокойствіе и на его физіономіи не трудно было замѣтить самодовольство; но самодовольство лакейское. А банные дни! Онъ цѣлыхъ два дня подрядъ просиживалъ въ ванной комнатѣ, гдѣ стояла невыносимая жара отъ котла и печей.

Первые годы въ ванную водили только разъ въ мѣсяцъ. При этомъ обязательно стригли всѣхъ на голо. Но какъ стригли! словно овецъ, безъ гребенки, а такъ просто: беретъ кто-либо изъ жандармовъ — конечно, которому прикажетъ Иродъ — ножницы и начинаетъ рвать какъ попало, лишь бы во-

лось осталось поменьше. Голова принимаетъ форму плохо скошенной кочки. Иродъ и тутъ не спускаетъ глазъ. Когда одна голова готова, стригущій не произноситъ ни слова, а лишь молча посмотритъ на Ирода и тотъ уже объявляетъ: „готово! можно мыться!“ Самъ наблюдаетъ, какъ голубые обыскиваютъ, осматриваютъ бѣлье, платье, обувь. Чистое же бѣлье, которое приносится изъ шкафа, онъ обязательно заставляетъ развернуть, встряхнуть, чтобы убѣдиться, не попало-ли туда чего-нибудь запрещеннаго.

Эти ванны тянулись иногда цѣлый день. Цѣлый день Иродъ прѣлъ и потѣлъ въ своемъ офицерскомъ синемъ мундирѣ съ орденомъ на шеѣ. Но это нисколько не тяготило его. Не знаю, право, исполнялъ-ли онъ и тутъ приказаніе свыше или просто усердствовалъ отъ себя; но думаю, что если бы ему приказали самому купаться съ каждымъ, то онъ, не задумываясь, исполнялъ бы и это приказаніе.

II.

Въ октябрѣ 1884 г. въ Шлиссельбургскую тюрьму были привезены осужденные по процессу Вѣры Фигнеръ*), изъ которыхъ двоихъ на другой же день не стало. . .

Въ декабрѣ того же года привезены осужденные по кіевскому процессу**), но не сразу всѣ, а по одиночкѣ. Зимнимъ путемъ тогда возили вообще по одиночкѣ въ кибиткахъ и въ сопровожденіи голубыхъ, при чемъ на каждой станціи ставилось по нѣскольку жандармовъ, которые должны были встрѣчать,

---

*) Баронъ Штромбергъ, Рогачевъ, Вѣра Фигнеръ, Тихановичъ, Немоловскій, Василій Ивановъ, Ювачевъ, Похитоновъ, Суровцевъ, Людмила Волькенштейнъ и Ашенбренеръ. Изъ нихъ умерли двое: Немоловскій и Тихановичъ. О послѣднемъ говорятъ, что онъ повѣсился, и это весьма возможно, потому что онъ былъ душевно боленъ и, по доходившимъ слухамъ, не разъ покушался на самоубійство. Похитоновъ въ 1894 году сошелъ съума и только въ 1896 году былъ увезенъ въ Николаевскій госпиталь въ Петербургѣ, гдѣ, какъ слышно, онъ умеръ еще въ 1897 году. Баронъ Штромбергъ и Рогачевъ были казнены.

**) Мартыновъ, Борисевичъ, Шебалинъ, Карауловъ и Панкратовъ.

оберегать станцію и провожать „казенныхъ пріѣзжающихъ“. Излишняя предосторожность: возили въ южныхъ и ручныхъ браслетахъ.

Мнѣ уже приходилось говорить о томъ гнетущемъ впечатлѣніи, какое производилъ шлиссельбургскій склепъ, несмотря на чистенькую высокую келью. Первыя минуты до того овладѣваетъ сознаніе заживо погребеннаго, что никакъ не можешь отогнать мысли „все кончено“. . . Но вотъ, немного оправившись, бросаешься озирать голыя стѣны — нѣтъ-ли гдѣ надписи, и вмѣсто того находишь Инструкцію, которая совѣтуетъ вести себя смирно, послушно, подчиняться всѣмъ чинамъ, всѣмъ требованіямъ этихъ чиновъ, за что будешь награжденъ бесѣдою со священникомъ, работою въ мастерскихъ, которыхъ тогда не было. Въ противномъ случаѣ, т. е. за нарушеніе тишины и „благочинія“, инструкція сулитъ карцеръ, лишеніе книгъ, лишеніе постели и горячей пищи; за болѣе тяжкіе проступки она обѣщаетъ розги до 50 ударовъ, а за оскорбленіе дѣйствіемъ чиновъ — казнь... Съ безсильнымъ негодованіемъ отворачиваешься отъ этого исписаннаго полулиста и вновь осматриваешь стѣны; а за дверью слы-

шишь легкій шорохъ, тихіе шаги; то усердный сторожъ смотритъ въ дверной глазокъ, слѣдитъ за каждымъ твоимъ движеніемъ. Начинаешь прислушиваться. Раздаются мѣрные монотонные шаги — чувство величайшей радости зальетъ всего: это, навѣрно, товарищи ходятъ. . . . Я не одинъ здѣсь. . . . Мрачныя думы проясняются, склепъ становится какъ бы привѣтливѣе и теплѣе, — такъ сильно желаніе имѣть по близости, хоть черезъ толстую глухую стѣну, близкаго человѣка. За этимъ чувствомъ идетъ другое — скорѣе спросить, кто тутъ, перекинуться хоть нѣсколькими словами, узнать, нѣтъ-ли какихъ связей съ живымъ міромъ.

Тишина мертвая кругомъ, только по временамъ раздается тяжелый кашель то тамъ, то тутъ. Воображеніе забѣгаетъ впередъ и рисуетъ блѣдныя измученныя лица товарищей. Пробуешь стучать — отворяется форточка, въ ней показывается недовольная физіономія Ирода, на которой съ перваго взгляда читаешь; „ага попался“. „Стучать нельзя здѣсь, въ карцеръ посажу“. И фортка вновь захлопывается. Съ какой невѣроятной быстротой и ловкостью продѣлывалъ онъ все это! „Не-

ужели стоитъ жить при такой обстановкѣ?— спрашиваешь себя; — какой-нибудь палачъ безъ бога и человѣка въ душѣ будетъ преслѣдовать на каждомъ шагу, оскорблять, да еще оцѣнивать твои поступки! Нѣтъ, это свыше силъ“. . . . Начинаешь придумывать различные способы, бѣгая взадъ и впередъ. Но вотъ раздраженіе слабѣетъ, упрекаешь себя въ малодушіи. Опять пробуешь стучать. Наконецъ удалось узнать сосѣдей. На душѣ становится легче.

Несмотря на всѣ неудобства сообщенія другъ съ другомъ, вѣсть о прибытіи „новаго“ быстро распространяется. Среди могильной тишины стоитъ только прислушаться къ стуку отдаленныхъ сосѣдей, чтобы узнать, о чемъ они стучатъ. „Новаго привезли! . . . . Кого? По какому дѣлу? Откуда? Узнай, живъ-ли такой-то, или цѣлъ-ли такой-то, что дѣлается на волѣ?“

Новичка засыпаютъ безконечными вопросами, хоть ему самому хотѣлось бы поскорѣе и подробнѣе узнать о житьѣ-бытьѣ товарищей по заключенію. Невеселыя вѣсти привезли мы съ собою; о многомъ не хотѣлось даже и сообщать, чтобы не наводить тоски

и отчаянія, но скрывать о положеніи дѣлъ было просто недобросовѣстно. . . . Погромы, предательство, предательство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, безтактность нѣкоторыхъ, по милости которыхъ ухнуло столько людей — вотъ самыя главныя новости, привезенныя нами.

— Значитъ, все разрушено? — какъ-то нервно спрашиваетъ одинъ изъ товарищей.— Ну, и васъ мы не порадуемъ здѣшними новостями. Почти половина больныхъ: у Малавскаго чахотка, у Исаева тоже, у Немоловскаго язва въ желудкѣ; Щедринъ боленъ душевно, у Гелиса чахотка и т. д.. — перечисляютъ намъ со всѣми подробностями. Между тѣмъ къ двери подкрадывается голубой. . . . Отворяется фортка и прекращается невеселая бесѣда. Темы разговоровъ были самыя однообразныя, исключительно касающіяся тюремной жизни, и больше всего было распросовъ о состояніи здоровья больныхъ товарищей. Дѣло въ томъ, что, благодаря постоянной тишинѣ, отчетливо слышался каждый стонъ, каждый кашель больного. Во время посѣщенія доктора, который являлся каждый день, обходя всѣхъ, невольно бывало

прислушиваешься, стоя у двери, что говоритъ докторъ, что отвѣчаетъ ему больной. Я пришлю порошки, — тихо говоритъ докторъ: надо кровать открыть, — прибавляетъ онъ, — и дверь захлопывается. . . Кровать открыть? — спрашиваешь себя: это значитъ болѣзнь тяжелая, смерть уже на порогѣ; нѣсколько дней и конецъ страданіямъ и неволѣ. Тоскливое чувство, злоба кипитъ въ душѣ. Но вѣдь всѣхъ ожидаетъ такой конецъ, какъ бы успокоиваешь себя и гонишь прочь тяжелыя думы.

Первые годы кровати на день открывались только по распоряженію доктора и для слабыхъ больныхъ. . . Часа черезъ два послѣ обхода доктора приносятъ лѣкарства. Не думайте, что ихъ выдаютъ на руки и оставляютъ у больного. Нѣтъ. Ихъ надо принимать въ присутствіи голубыхъ и неутомимаго Ирода.

— Порошокъ! — коротко и важно говоритъ послѣдній, но не самъ его подаетъ, а одинъ изъ голубыхъ. Молча берешь пакетикъ и кладешь на столъ.

— Его надо сейчасъ принять, — поясняетъ Иродъ, недоумѣвая, какъ можно не понимать такихъ простыхъ предосторожностей.

— Я сейчасъ не могу принимать, — отвѣчаетъ ему больной: его надо принимать послѣ обѣда.

— Возьми порошокъ, выходи! — строго приказываетъ Иродъ. — Голубой моментально схватываетъ со стола пакетикъ, и дверь вновь съ громомъ запирается.

— Что за комедія? — думаешь послѣ такой сцены. Но послѣ обѣда все объясняется. Вновь являются голубые подъ начальствомъ того же Ирода. Вновь повторяется слово „порошокъ", а голубые молча слѣдятъ за каждымъ движеніемъ больного, который, не понимая, въ чемъ дѣло, кладетъ его по прежнему на столъ.

— Надо сейчасъ его принять, — поясняетъ ему смотритель.

— Я приму послѣ.

— Бумажку нельзя оставлять въ камерѣ!

Вотъ въ чемъ дѣло! Какая предосторожность! Но не только съ порошками такая исторія, а даже и съ каплями. Пузырьки на руки больнымъ не давали. Жандармы являлись въ камеру, отсчитывали въ ложку, —

боже, что это была за ложка! Что-то въ родѣ баржеваго черпака въ миніатюрѣ, — и въ такомъ видѣ подавали.

Здоровому непріятно было присутствіе этихъ враждебныхъ лицъ, больному же они становились прямо невыносимыми. Не удивительно, что бывало долгое время скрываешь болѣзнь, чтобы только избѣжать лишняго посѣщенія сторожей.

Вотъ канунъ Рождества. Раздается звонъ на крѣпостной колокольнѣ. Но звуки слышно глухо и какъ будто далеко — окна закрыты на глухо — и все же они увлекаютъ къ невозвратному прошлому. Воспоминанія воскресаютъ одно за другимъ. Беззаботное дѣтство въ кругу родныхъ, близкихъ людей; юность, полная заботъ, лишеній, надеждъ; революціонная жизнь съ своимъ свѣтомъ и тѣнями... Друзья: однихъ уже давно нѣтъ, они погибли въ борьбѣ. Кто же живъ? Отвѣта нѣтъ и не ждешь его. Самъ живой трупъ. Хоть бы книгъ дали поскорѣе. Вотъ уже два мѣсяца, кромѣ евангелія и библіи, ничего не видалъ. Завтра Рождество, можетъ быть ради праздника ихъ выдадутъ?

Но Рождество ничего съ собой не принесло, даже обѣдъ подали обычный: борщъ съ саломъ и какими то неудобоваримыми кусками мяса и каша. Только голубые и Иродъ, одѣтые въ парадные мундиры съ аксельбантами, громко звенятъ шпорами: служители Пилата празднуютъ память Христа! . . . . А по камерамъ та же гробовая тишина. Хоть бы поскорѣе прошелъ этотъ день, онъ будитъ столько воспоминаній. Зачѣмъ они? Наступилъ вечеръ. Разносятъ ужинъ; слышатся строгія слова Ирода: онъ дѣлаетъ замѣчанія за стукъ. А что за ужинъ!? Пустой борщъ — остатокъ отъ обѣда. Заключеннымъ предоставляется не брать его. И многіе, дѣйствительно, не брали. Но раздача ужина сопровождается удовольствіемъ. Въ это время отпираютъ кровати. Какъ пріятно понѣжиться, полежать послѣ дневного хожденія изъ угла въ уголъ!

Отворяется камера Мышкина. Раздается звонъ пустой тарелки, затѣмъ суматоха, шумъ, стукъ и со всѣхъ сторонъ крики. Тюрьма оглашается нечеловѣческими звуками. Въ камерѣ Мышкина идетъ свалка. Жандармы бросаются на него какъ сумашедшіе, забываютъ, что на-

рушаютъ тишину (!) — Бить не надо! — кричитъ Иродъ (такъ послышалось одному изъ ближайшихъ сосѣдей Мышкина).

— Что тамъ дѣлаютъ, подлецы! — раздается изъ другого угла крикъ на весь корридоръ.

— Что тамъ дѣлаютъ?

— Подлецы, подлецы! . . .

Затѣмъ истерическіе женскіе голоса. Стукъ въ двери. Вся тюрьма превратилась въ какой-то застѣнокъ, гдѣ слышались стоны съ отчаянными криками и шумомъ. Но вотъ все замерло на нѣсколько минутъ, только въ корридорѣ идетъ шопотъ въ родѣ змѣинаго шипѣнья: то Иродъ дѣлаетъ какія то распоряженія и приказанія. Заключенные же никто ничего не знаетъ, изъ за чего произошелъ весь шумъ, что случилось. Но мысль, что отъ голубыхъ можно ожидать всего, овладѣваетъ такъ сильно, что ея никакъ не отгонишь.

Стучишь въ форточку, зовешь смотрителя.

— Что тамъ дѣлали? — наивно спрашиваешь послѣдняго.

— Ничего! Тамъ сумасшедшій сидитъ! — растерявшись, отвѣчаетъ онъ, не успѣвъ еще оправиться.

— Такъ его надо въ больницу. Здѣсь тюрьма.

— Больницы пока нѣтъ, скоро выстроятъ, — вретъ онъ. И форточка захлопывается. Онъ спѣшитъ къ другой форткѣ, чтобы выслушать тѣ же вопросы и дать тѣ же лживые отвѣты.

Тяжело прошла эта ночь. По камерамъ долго раздавались шаги, а въ корридорѣ время отъ времени слышался то стонъ, то какой то крикъ*).

На другой день во время обѣда почти повторилась такая же исторія. И, не дали обѣда, не объяснивъ за что и почему. У не-

---

*) Дальнѣйшая участь Мышкина. Его судили у насъ въ крѣпости. Впослѣдствіи, много, много лѣтъ спустя, пишущему эти строки удалось узнать отъ одного, присутствовавшаго на судѣ, что Мышкинъ „хорошо пробралъ судей“ и произнесъ такую сильную рѣчь, что даже жандармы расчувствовались. Не знаю, что разумѣлъ говорившій подъ этимъ словомъ, но я видѣлъ, что онъ былъ очень доволенъ рѣчью Мышкина. Вѣроятно, тотъ говорилъ о грубости администраціи, отъ которой и самимъ жандармамъ было солоно. Отсюда и ихъ сочувствіе къ Мышкину. Гдѣ былъ казненъ Мышкинъ, неизвѣстно. Вѣроятно въ Шлиссельбургѣ.

го вырвался повидимому совершенно невольный крикъ: „почему мнѣ не дали обѣда?“

Вмѣсто отвѣта въ корридорѣ послышалась суматоха, открылась камера И. Пятеро голубыхъ ворвалось въ нее и бросились на И., хватая, кто за что попало. Двое полотенцемъ зажали ему ротъ, такъ что онъ едва успѣлъ издать какой-то неопредѣленный крикъ. По корридору потащили что-то тяжелое — это И. отправили въ старую тюрьму въ карцеръ, гдѣ бросили его на холодный асфальтовый полъ. По-дорогѣ ему надавали много синяковъ. На другой день явился къ нему докторъ, осмотрѣлъ эти синяки и призналъ, что они результатъ жандармскаго усердія. Впослѣдствіи, когда пріѣхалъ Оржевскій, И. заявилъ ему о грубомъ обращеніи, сославшись на доктора, такъ какъ Оржевскій не хотѣлъ вѣрить. Докторъ съежился, вытянулся и не подтвердилъ словъ И. Онъ, наоборотъ, сказалъ, что ничего не видѣлъ (!).

Черезъ 5 дней И. возвратили изъ карцера. Онъ разсказалъ, что съ нимъ было. И по тюрьмѣ разнесся слухъ, что его избили. Даже ходили отвратительныя подробности: когда И. несли по двору, выскочилъ одинъ жандармъ

въ фуфайкѣ и, ударивъ въ бокъ кулакомъ, сказалъ: „а это моя рука!“

Но никакого общаго протеста не поднялось по этому случаю, хотя поводъ былъ настолько важенъ, что долженъ бы былъ его вызвать. Не случилось же этого вотъ почему. Многіе были совершенно утомлены одиночествомъ, суровымъ одиночествомъ, и отдыхъ былъ для нихъ единственнымъ желаніемъ; другіе страдали физически и еле тянули день за днемъ. Въ это же время покончилъ съ собой Клименко, а Тихановичъ сдѣлалъ попытку покончить съ собой и, хотя его спасли голубые, но очень скоро послѣ такого спасенія, его не стало. Съ оконъ въ камерахъ были сняты задвижки, очевидно изъ предосторожности.

Вновь явился Оржевскій. Вновь обошелъ всѣхъ съ обычными вопросами: нѣтъ-ли какихъ жалобъ и заявленій. Нѣкоторые заявляли ему о дурномъ обращеніи, о недостаткѣ книгъ, о перепискѣ съ родными. На первыя заявленія онъ далъ обѣщанія. . . о послѣднемъ же отвѣчалъ, что это невозможно.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, нѣкоторымъ, наиболѣе больнымъ, и даже двумъ-

тремъ здоровымъ дали свиданіе на прогулкѣ. Эти свиданія давались черезъ день или два. Но многихъ-ли спасли они? Теперь изъ получившихъ тогда свиданія живы только трое. Чахотка свирѣпствовала въ нашей тюрьмѣ. Въ мартѣ окончательно слегъ Малавскій, который всю зиму не выходилъ гулять. Ему почему-то долго не давали книгъ. — „Если тебѣ что нужно, то постучи въ дверь“, — говорилъ ему Иродъ за нѣсколько дней до смерти. Но ни разу никто не слыхалъ его зова. Онъ умеръ черезъ нѣсколько дней.

Умеръ или живъ, трудно было, впрочемъ, узнать. Объ этомъ мы судили потому, отворяется ли дверь въ камеру во время раздачи обѣда и чая. Разъ такую камеру обходятъ — значитъ, умеръ.

— Что Малавскій? — спрашиваетъ меня одинъ изъ сосѣдей.

— Кажется, умеръ, — нерѣшительно отвѣчаешь, — въ обѣдъ и ужинъ къ нему не заходили.

— Говорятъ, и Буцевичъ слабъ, близокъ къ помѣшательству, — продолжаетъ сосѣдъ. У Исаева чахотка, онъ гуляетъ съ Фроленко,

— разсказываетъ онъ свои новости. Узнай объ Юріи (Богдановичъ) и Грачевскомъ.

Недѣли черезъ три сообщаотъ тотъ же сосѣдъ о Буцевичѣ: „Кажись, и онъ умеръ. Сегодня Морозовъ гулялъ одинъ. А жандармы не говорятъ ничего. Друзья мрутъ какъ мухи".

Всѣ темы разговора истощишь, а болѣзненное состояніе товарищей наводитъ уныніе на всѣхъ. Что-то зловѣщее царитъ въ тюрьмѣ. Только и ждешь, что смерть унесетъ еще кого-нибудь. Напрасно пробуешь забыться за книгой. Да и какія книги? Ничего живого, чтобы освѣжить мысль. Только нѣкоторыя путешествія иногда уносили въ сказочный первобытный міръ Востока. Или математическая формула на короткое время займетъ голодный умъ. Многіе у насъ занимались математикой и изученіемъ языковъ; но послѣднее не требуетъ особеннаго напряженія мысли, благодаря чему нѣкоторымъ надоѣло это занятіе. А тутъ еще судьба товарищей. — Не такая-ли участь ожидаетъ и насъ? Къ чему все это? Въ могилѣ знаній не надо! — говорили они.

Но проходитъ недѣля-двѣ, и они снова принимаются за брошенныя занятія: жить собственными думами еще скучнѣе; отъ этого еще болѣе увеличивается меланхолія.

Кончается постъ. Близка уже Пасха. Въ корридорѣ производится чистка: голубые моютъ полъ, стираютъ пыль со стѣнъ, разстилаютъ новенькіе ковры. Насъ водятъ по одиночкѣ въ баню-ванну. Какіе скучные, безконечно длинные дни ваннъ! На прогулку не водятъ оба дня: пятницу и субботу.

— Мыться! — говоритъ Иродъ, отворивъ дверь камеры и впустивъ трехъ жандармовъ, которые сопровождаютъ каждаго до ванны.

Берешь молча полотенце и слѣдуешь за ними.

— Надо сѣсть — остричься, — опять провозглашаетъ Иродъ, усаживаясь на стулъ и зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ всѣхъ присутствующихъ.

Садишься на табуретку. Одинъ изъ голубыхъ беретъ громадныя ножницы и начинаетъ „рвать“ волосы, не заботясь не только объ эстетикѣ, но даже и о цѣлости кожи.

— Осторожнѣй! — вскрикиваешь, когда ножницы задѣваютъ кожу, но не столько отъ

боли, сколько отъ оскорбленія, которое испытываешь при этомъ. Все время сидишь какъ на иголкахъ и еле сдерживаешься, чтобы не дать пощечины.

— Кричать нельзя, — невозмутимо возражаетъ Иродъ: — надо сказать мнѣ, а я прикажу, чтобы осторожнѣе стригъ.

— Это распоряженіе надо было-бы сдѣлать раньше, а не ждать пока обрѣжутъ кожу, — отвѣчаешь ему.

— Готово, можно мыться, — уклоняется онъ отъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Межъ тѣмъ послушные голубые все время ходятъ вокругъ, наливаютъ воду, подбрасываютъ дрова подъ котелъ, осматриваютъ бѣлье, подаютъ тазы. Но не думайте, что они забыли о васъ! Нѣтъ. Одинъ глазъ у каждаго изъ нихъ зорко слѣдитъ за вами.

Спѣшишь мылить себѣ голову, чтобы только скорѣе окончилась эта церемонія.

— Первый разъ здѣсь встрѣчаешь Пасху, — стучитъ мнѣ товарищъ-равелинецъ: — въ Равелинѣ насъ угостили отличнымъ обѣдомъ, даже пирожное дали. Я думаю, это было издѣвательство: на другой день пища была до того отвратительна, что ѣсть было невозмож-

но. Удивительно глупая злость! Думали пищей допекать. Вотъ духовной пищей они насъ дѣйствительно помучили. Кромѣ священныхъ книгъ ничего не давали. Я прочелъ житіе всѣхъ святыхъ. Щедринъ, кажется, сходитъ съ ума. Это онъ сегодня кричалъ, — вдругъ переводитъ онъ разговоръ: — спросили его, чего онъ кричалъ. Возбужденіе, — говоритъ, — выкрикиваю. Игнатій Ивановъ, кажется, скоро умретъ. Онъ уже не сходитъ съ постели.

И опять бесѣда на эту тему. . .

Утро Пасхи. Колокольный звонъ не умолкаетъ и страшно раздражаетъ. Въ корридорѣ суета. Жандармы бѣгаютъ и что то ставятъ у дверей каждой жилой камеры. Опять слышится звонъ шпоръ.

Вотъ отворяется дверь. Голубые вносятъ тарелку съ кусками кулича и пасхи и кусочкомъ жареной телятины; другой — тащитъ кружку чаю, кусокъ сахару и нѣсколько крашенныхъ яицъ. Но что это за пасха! Гдѣ она валялась? На ней песокъ и положена она на грязную тарелку. . .

Иродъ внимательно слѣдитъ изъ-за спинъ жандармовъ, какое впечатлѣніе произвело

праздничное угощеніе, и какъ будто ждетъ чего то. Но никто изъ заключенныхъ не издавалъ ни звука. Иродъ недовольно хлопалъ дверью.

— Христосъ воскресъ! — стучитъ мнѣ товарищъ, — гдѣ вы проводили послѣдній разъ этотъ праздникъ? Почему-то онъ мнѣ всегда напоминаетъ дѣтство. . . . Бѣдная мамочка! Увидитъ-ли она меня когда-нибудь? Боюсь за нее: вы знаете, докторъ плохо пророчилъ ей о глазахъ. . . Я ей когда-то читалъ книги. Читаешь бывало, а она лежитъ. — Мамочка, вы спите? — спрашиваешь — Нѣтъ. Дорогое дѣтство! Сколько свѣтлыхъ, теплыхъ воспоминаній! Какъ много въ тебѣ невыразимой нѣжности! Даже въ этомъ живомъ склепѣ находишь въ тебѣ отдыхъ и пробуждаешь подавленное чувство.

— Вамъ, вѣроятно, грустно теперь! Вѣдь вы привыкли къ лучшей жизни, — спрашиваю я товарища.

— Я не избалованъ. . . Разскажите о своей жизни?

Но немного радости было въ моей жизни. Вѣроятно, мои разсказы наводили на него скуку.

— Я вотъ читалъ недавно о протопопѣ Аввакумѣ. „Терпи, Марковна“, помните, говорилъ онъ своей женѣ. Какая сильная натура! — прерывалъ онъ меня.

По вечерамъ мы долго бесѣдовали съ нимъ о прочитанномъ.

— Что ты молчишь? Чѣмъ ты занятъ? — нервно стучитъ другой сосѣдъ, все время бѣгавшій по камерѣ.

— Математикой занимаюсь.

— Проклинаю я твою математику! Сытый голоднаго не разумѣетъ.

— Извини, — отвѣчаешь ему, на волѣ некогда было заниматься, вотъ я и набросился. Почему же ты не позовешь, когда тебѣ хочется поговорить? . . .

Тяжело и горько было выслушивать подобные упреки, тѣмъ болѣе, что стучать приходилось очень много, что хорошо зналъ душевное состояніе товарища, за много лѣтъ ранѣе меня лишившагося воли и уже успѣвшаго потерять здоровье и нервное спокойствіе. А тутъ еще звонъ колоколовъ мѣшаетъ слышать едва замѣтный стукъ. Не сразу его понимаешь, приходится переспрашивать и тѣмъ еще болѣе раздражать. Не

удивительно, что скромная бесѣда кончается вспышкою. . . . Но, къ счастью, все улаживалось, когда вспышка проходила.

— Вы не обижайтесь на него, — уговаривалъ первый сосѣдъ, — онъ славный, только нервы у него.

— Да мы уже помирились.

— Вотъ и отлично. Морозову дали свиданіе съ Ювачевымъ, — онъ передалъ, что Ювачевъ говоритъ несообразныя вещи. Хочетъ въ монахи. . . . Не стучитъ ни съ кѣмъ.

— Значитъ душевно разстроенъ?

— Хорошо, что ему дали свиданіе. Можетъ быть, поправится. Слышите, что-то на дворѣ стучатъ, возятъ.

— Не больницу-ли строятъ? Смотритель мнѣ давно сказалъ, что выстроятъ больницу.

На дворѣ, какъ разъ противъ нашихъ оконъ, дѣйствительно, шла какая-то горячая работа. Слышались удары топоровъ, лязгъ пилъ и постоянное движеніе людей. Мы терялись въ догадкахъ. Что тамъ такое дѣлаютъ? Я пробовалъ забраться на окно и посмотрѣть въ фортку, но не могъ: окно матовое, фортка высоко и закрыта. Межъ тѣмъ

всѣхъ интересуетъ, что такое строится. А это, какъ мы послѣ узнали, „строились“ огороды. Строгое исполнительное начальство тщательно скрывало отъ насъ свои гуманныя затѣи, которыя и дѣлались для насъ же. И какъ быстро производилась работа! Очевидно, спѣшили спасти огородами тѣхъ, которыхъ сами же измучили и исковеркали. . .

— Сегодня я видѣлъ одного рабочаго въ красной рубахѣ. У, какъ его загоняли жандармы. Онъ точно мышь заметался, не зная, куда дѣться. Бросился бѣжать какъ угорѣлый. Иродъ былъ внѣ въ себя, — разсказываю я товарищамъ о томъ, какъ наткнулся на рабочаго, когда вели на гулянье. Иродъ страшно разсвирѣпѣлъ.

— Еще бы: показали вольнаго человѣка. Теперь жандармамъ достанется.

И опять догадки и соображенія на счетъ того, что тамъ строится.

Но дѣло скоро выяснилось. Какъ только постройка была готова, т. е. выстроили загоны для заключенныхъ и вышку для наблюдателей, и навозили изъ лѣсу земли, то сейчасъ же распредѣлили всѣ огороды между

тѣми, кто имѣлъ свиданіе. Роздали сѣмена, желѣзныя лопаты и поставили баки для воды.

Сколько разговоровъ, стука было по этому поводу. Сколько курьезовъ съ неопытными огородниками! Одинъ всѣ сѣмена посѣялъ на пространствѣ двухъ трехъ квадратныхъ аршинъ, другой только и знаетъ, что льетъ воду на грядку, производя болото. Такъ что Иродъ долженъ былъ вмѣшиваться и давать наставленія.

III.

Невелика вещь огороды, но сколько матеріалу для разговоровъ доставили они намъ! Каждый день, возвращаясь съ прогулки, наши огородники сообщали что нибудь новое о состояніи ихъ посѣвовъ. Когда же начались всходы, пошла такая трескотня въ стѣны, точно произошло что-нибудь необычайное. Да, въ такой глухой обстановкѣ иначе и быть не могло: гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ пищи ни

для ума, ни для сердца, тамъ ничтожная перемѣна производитъ преувеличенное дѣйствіе; среди убійственной мертвенности каждый старается создать себѣ какое-нибудь дѣло, хватается то за то, то за другое, чтобы спасти себя отъ пожирающаго бездѣйствія. Правда, въ началѣ огороды дали очень немногимъ. Но повліяла эта новинка на всѣхъ, всѣ оживились. Вскорѣ дали свиданіе и огородъ нашимъ дамамъ.. — Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ и Людмилѣ Александровнѣ Волькенштейнъ. И забавно же онѣ принялись за огородъ: копали грядки, разумѣется, самымъ усерднымъ образомъ; но когда наступило время посѣвовъ, то въ одну лунку онѣ бросали чуть не по горсти сѣмянъ, при чемъ разстояніе одной лунки отъ другой было такъ мало, что не вмѣшайся въ ихъ хозяйство Иродъ, у нихъ все бы заглохло.

Когда Вѣра Николаевна пришла съ перваго свиданія, ее спросили: какъ на нее оно подѣйствовало.

— Мы обѣ разревѣлись и все время проплакали, — отвѣтила она. Но что же это были за слезы? Радости, горя? Отвѣтить невозможно. Это какой-то наплывъ чувствъ,

таившійся долгое время и вдругъ хлынувшій наружу. Какъ глубоко и какъ много переживаешь въ короткія минуты перваго свиданія! Близость товарища, живущаго въ такой же обстановкѣ, какъ и самъ ты, будитъ воспоминаніе прошлаго съ такой силой, что точно вновь переживаешь его, но переживаешь какъ-то иначе; всѣ картины, всѣ образы облиты тихимъ, нѣжнымъ, почти дѣтскимъ чувствомъ, словно тамъ, въ глубинѣ этого прошлаго не было ни одного туманнаго пятна

Но послѣ каждаго свиданія, — а въ началѣ ихъ давали не каждый день, — В. Н. возвращалась печальная и чѣмъ-то озабоченная. Часто она, возвращаясь съ прогулки, разговаривала съ Иродомъ.

— Что это говорилъ Иродъ? — спрашивали ее.

— Такъ, ничего, неважно . . . — коротко отвѣчала она.

Но такой отвѣтъ не удовлетворялъ насъ. Казалось что-то затѣвается, и можно было опасаться, чтобы она не отказалась отъ свиданій, такъ какъ еще раньше дѣлала намеки, что будетъ требовать свиданій для всѣхъ. А,

можетъ быть, смерть многихъ товарищей выбиваетъ ее изъ колеи, думали сосѣди. Въ это время, дѣйствительно, смерть косила и косила у насъ въ тюрьмѣ. Жилось какъ то скверно, душевное состояніе было таково, что каждый день ждешь: вотъ-вотъ она унесетъ еще одного. . .

Разъ какъ-то, придя со свиданія, В. Н. позвала одного изъ товарищей и категорически сказала, что свиданія начинаютъ отравлять ей жизнь: „Я не могу пользоваться льготами тогда, когда товарищи ихъ не имѣютъ. . . . Мы съ Людмилой рѣшили отказаться отъ свиданій, пока не дадутъ ихъ всѣмъ."

Напрасно товарищи стали отговаривать ее, указывая на то, что много больныхъ, что отказъ плохо отзовется и на тѣхъ, кто не имѣетъ свиданій.

— Нѣтъ, мы не должны допускать, чтобы какой-нибудь Иродъ или комендантъ были цѣнителями нашей нравственности, чтобы они дѣлали различія между нами . . . — нервно прерывала она и даже обидѣлась.

Черезъ нѣсколько дней нѣсколько товарищей, дѣйствительно, отказались отъ свиданій

и огородовъ, заявивъ начальству о причинахъ своего отказа.

Можете себѣ представить, какъ не понравился такой поступокъ нашимъ церберамъ. Еще бы: вѣдь они полагали, что своимъ жестокимъ режимомъ вымучили весь духъ протеста изъ своихъ жертвъ, обратили ихъ въ покорныхъ овечекъ; а имъ указываютъ на ихъ дурное хозяйничанье, несправедливое отношеніе и требуютъ для всѣхъ равенства! Мало этого, еще шумятъ, насиліемъ хотятъ заставить поступать иначе! Это ужъ слишкомъ.

Одинъ изъ товарищей послѣ неудачныхъ объясненій съ комендантомъ сталъ громко стучать въ дверь; затѣмъ къ нему присоединились другіе. Въ корридорѣ поднялась суматоха, синіе забѣгали. . . Открыли фортку у начавшаго стукъ. „Молчать!“ дерзко крикнулъ комендантъ. „Ты самъ молчи!“ еще громче отвѣтилъ ему товарищъ и, схвативъ мѣдную миску, такъ ударилъ ею о столъ, что она превратилась въ тарелку. И почти моментально двоихъ увели въ карцеръ.

Началось ожесточенное преслѣдованіе за стукъ, повидимому, въ отместку за протестъ.

Увели еще двоихъ . . . а замѣчанія за стукъ участились. Мелочная месть доходила до глупости: бывало даешь книгу для того, чтобы перемѣнили; другую не выдаютъ по нѣскольку дней и ничего не говорятъ, между тѣмъ какъ прежде выдавали на другой же день. Все это, конечно мелочь, но этихъ мелочей такъ было много, что онѣ выводили изъ терпѣнія... Или не выдаютъ, бывало, лѣкарства...

Столкновенія росли, рѣзкія объясненія становились чаще и чаще. . . Тутъ еще нѣсколькихъ человѣкъ увели въ карцеръ, якобы за стукъ и для исправленія. . . Но, увы, усиленное преслѣдованіе вызвало только большее упорство. Въ карцерѣ стучади до того громко, что Иродъ сажалъ въ пустыя камеры жандармовъ съ полѣньями, которыми тѣ били въ стѣны, чтобы не давать перестукиваться, а изъ корридора дѣйствовали другіе голубые металлическими заслонками, устроенными спеціально для произведенія дьявольскаго звона. Начинается поистинѣ адскій содомъ. Является, конечно, Иродъ.

— Когда ты перестанешь стучать? — внѣ себя кричалъ онъ кому-нибудь изъ заключенныхъ.

— Когда ты перестанешь дѣлать пакости, — отвѣчаешь ему: стучать я не перестану никогда, и ты это помни, хотя бы даже меня повѣсили.

— И будемъ вѣшать . . . вотъ придетъ бумага, — немного охладившись, говорилъ онъ.

— И ты палачемъ будешь, навѣрно, — какъ-то вырвалось у товарища.

Не подумайте, что эта фраза оскорбила его, нѣтъ, онъ сталъ еще спокойнѣе разговаривать изъ-за спины трехъ гайдуковъ — голубыхъ. И ограничился только тѣмъ, что еще на недѣлю оставилъ собесѣдника въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ, отнялъ абажуръ и зонтикъ съ лампы и не допускалъ доктора нѣсколько дней.

У товарища болѣли глаза, докторъ лѣчилъ ихъ.

— Мнѣ доктора нужно, — заявляетъ товарищъ Ироду.

— Нѣтъ доктора, онъ уѣхалъ, — каждый разъ отвѣчаетъ Иродъ.

— Ну, я его сегодня привезу, — говоритъ товарищъ и, когда явился въ корридорѣ докторъ, начинаетъ кричать: „доктора мнѣ нужно!“. . .

И докторъ явился. Иродъ, повидимому, не приготовился къ этому.

— Извините, это побочный вопросъ, — обращается товарищъ къ доктору, но отвѣтьте откровенно, вы были здѣсь эту недѣлю?

— Былъ, — удивленно отвѣчаетъ тотъ.

— Такъ вотъ полюбуйтесь на этого шельмеца, — чудакъ я былъ тогда, ждалъ правды отъ Ирода, который говорилъ ее только по ошибкѣ, — онъ всю недѣлю вралъ мнѣ, что вы уѣхали.

Иродъ стоитъ, выпучивъ глаза. Докторъ молчитъ.

— Вы приказали отнять у меня абажуръ съ лампы? — продолжаетъ спрашивать товарищъ.

— Развѣ у васъ его взяли?

— Да!

— Ну этого я не позводю, — поблѣднѣвъ, говоритъ докторъ. А какъ глаза? . . . Выдайте ему абажуръ и не уносите его изъ камеры, — категорически обращается онъ къ Ироду.

Тотъ теряетъ терпѣніе, хватаетъ доктора за рукавъ самымъ нахальнымъ образомъ.

— Ну, выходите, у меня нѣтъ времени! — вскрикиваетъ Иродъ.

— Не правда-ли, докторъ, какая изысканная деликатность обращенія у этого человѣка, — кричитъ товарищъ имъ въ догонку.

Но дверь уже захлопнулась, за нею послышалось шипѣніе. Повидимому, Ироду очень не понравилась эта выходка товарища. Онъ прибѣгъ къ новому средству: заставилъ голубыхъ топить желѣзную печь ночью (?). Тѣ, какъ только улягутся всѣ въ постель, поднимали такой трезвонъ въ корридорѣ, что могли бы и мертваго пробудить. Единственнымъ средствомъ противъ этого былъ крикъ. Какъ только они загремятъ, одинъ изъ товарищей по заключенію начинаетъ кричать имъ, чтобы перестали, хотя заранѣе извѣстно, что послѣдняго не случится, а явится Иродъ съ лживыми объясненіями. Въ концѣ концовъ ему самому показалось непріятнымъ каждую ночь вставать и бѣжать въ тюремный корридоръ для водворенія тишины и спокойствія, и ночныя „идилліи“ прекратились. Но за то уже книги, прогулка, кровать какъ бы не существовали. Правда, спать на голомъ, сыромъ, асфальтовомъ полу было не особенно

мягко и тепло, но все это казалось пустяками въ сравненіи съ лишеніемъ книгъ на многіе мѣсяцы. Бродитъ, бывало, бродитъ товарищъ изъ угла въ уголъ и придумываетъ разныя занятія. Удалось отломить отъ печки известку и вотъ пошла въ ходъ математика на черномъ полу. Сидитъ и чертитъ или геометрическія фигуры, или выводитъ алгебраическія формулы известкой. Но вотъ отворяется дверь.

— Возьмите у него камень, или что тамъ у него? — командуетъ Иродъ.

— На! — швыряется известка къ его ногамъ.

— Все-то тебѣ не сидится смирно. Ишь, испачкалъ весь полъ! Я тебя закую, — говоритъ Иродъ.

— А еще что? — спрашиваетъ его насмѣшливо товарищъ. Иногда въ такія минуты овладѣваетъ страшная злость, но иногда становятся просто смѣшными всѣ эти мелочныя строгости.

Дверь захлопывается до слѣдующей оказіи.

Не знаю, можетъ быть, это объясненіе заднимъ числомъ и, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрное; но мнѣ кажется, несмотря на всю

нравственную пытку, которую я тогда переживалъ, благодаря почти постояннымъ столкновеніямъ, постоянной мелкой борьбѣ — а тамъ о крупной и рѣчи не можетъ быть, — что я все-таки сохранился, остался живъ и почти здоровъ именно вслѣдствіе этой борьбы, этихъ разряженій, которыя позволялъ себѣ и которыя всегда сопровождались какимъ-то облегченіемъ. Копится, бывало, негодованіе да вдругъ и выльется наружу. Вспоминаю всѣхъ товарищей и что же? Нахожу тоже самое: тѣ, которые были болѣе безпокойны, почти всѣ, кромѣ немногихъ, выжили; съ болѣе же ровнымъ выдержаннымъ характеромъ или тихимъ темпераментомъ скорѣе гибли. Да для меня оно и понятно: сколько здоровья физическаго и душевнаго должны они были расходовать на то, чтобы подавить въ себѣ чувство гнѣва и махнуть рукой на всю эту травлю. Хотя долженъ оговориться, что полнѣйшаго безразличія ни у кого не было: вспышки негодованія проявлялись у всѣхъ, только не у всѣхъ одинаково часто. У однихъ очень рѣдко и въ мягкой формѣ, у другихъ въ самой крайней, какъ у Мышкина, Минакова, Грачевскаго.

Излишнія репрессаліи повели къ тому, что стукъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ право гражданства: стучать стали не только въ стѣны, но и въ калориферы, такъ чтобы слышно было на другой сторонѣ корридора; затѣмъ и на гуляньѣ стучали въ заборъ, а потомъ, когда стали уводить съ гулянья за стукъ, пустили въ ходъ лопаты (въ это время были выданы лопаты для всѣхъ, въ клѣтки навозили песку, и вотъ, какъ будто дѣло дѣлаешь, но все же разминаешься).

Иродъ безусловно исполняетъ волю свыше: не отнималъ лопатъ, которыя были разрѣшены департаментомъ полиціи, хотя отлично видѣлъ, что ими злоупотребляютъ — стучатъ. Пробовалъ уводить съ гулянья, но это оказалось не совсѣмъ удобнымъ. Тогда онъ придумалъ иное средство: между стучащими ставилъ въ пустыя клѣтки голубыхъ, вооруживъ ихъ тоже лопатками. Какъ только начинается стукъ, голубые тоже начинаютъ свою канонаду, чтобы перебивать. И, бывало, поднимется такая трескотня, хоть святыхъ выноси, Иродъ же стоитъ на вышкѣ и гнѣвно созерцаетъ. Наконецъ быстро сходитъ съ высоты и уводитъ стукальщиковъ.

— Ты все стучишь, въ камеру! — категорически говоритъ онъ: что тебѣ надо? Законъ не позволяетъ стучать!

— Я, вѣдь, и не давалъ обѣщанія подчиняться всякимъ нелѣпымъ законамъ.

— Но, вѣдь, ты человѣкъ, и я человѣкъ, и они люди, — указываетъ онъ на голубыхъ, нѣсколько неожиданно для самого себя становясь на эту необычную почву. Надо ихъ пожалѣть (!). Стучи, но чтобы тебя не видѣли и не слышали.

— А развѣ я прошу кого слушать. Не слушай. . .

— Ты все на зло дѣлаешь, — прерываетъ Иродъ: васъ тутъ нѣсколько человѣкъ такихъ, я васъ отдѣлю. Ужъ я ли за вами не ухаживаю? . . .

— Ухаживаешь! . . .

— Мнѣ приказано. . . Прикажутъ кормить рябчиками, завтра же начну кормить . . . — измѣнялъ онъ еще болѣе тонъ и старался подѣйствовать на чувство.

Повидимому, ему казалось, что онъ говоритъ очень тонко, но мы видѣли одинъ цинизмъ. Когда угрозы не помогали, Иродъ

пускался на всякія хитрости: любителямъ покушать — обѣщалъ „полныя тарелки“ каши и щей. Или заходилъ къ кому нибудь съ такими предупрежденіями на счетъ сосѣда: „Съ нимъ стучать нечего: онъ больной, сумашедшій человѣкъ!“ — самымъ серьезнымъ тономъ говорилъ онъ. Но ничто, конечно, не помогало.

Въ маѣ 1887 г. привезли новую партію въ 7 человѣкъ*), изъ которыхъ пятерыхъ казнили въ тотъ же день. Затѣмъ привезли еще пятерыхъ**). Матеріала для бесѣдъ прибавилось. Привезли новостей съ воли, но новостей очень печальныхъ. . . .

Незадолго передъ этимъ нашимъ кельямъ придали видъ болѣе приличный: полъ выкра-

---

*) Ихъ привезли по процессу второго 1 марта: Шевыревъ, Генераловъ, Андреюшкинъ, Осипановъ, Ульяновъ, Новорусскій и Лукашевичъ. Первыхъ пятерыхъ тогда же казнили, а послѣдніе двое живутъ и теперь въ Шлиссельбургской тюрьмѣ.

**) По процессу Лопатина: Лопатинъ, Стародворскій, Антоновъ, Конашевичъ и Сергѣй Ивановъ. Конашевичъ сошелъ съ ума въ 1890 году, а въ 1896 г. его вмѣстѣ съ Щедринымъ увезли въ Казанскую лѣчебницу. Въ промежутокъ времени между 1884 и 1887 годами въ Шлисс. тюрьму были привезены: въ

сили желтой краской, стѣны на одну треть отъ пола въ сиреневый. Кромѣ того увеличили прогулку, и многимъ больнымъ давали гулять двѣ смѣны, т. е. около $3^1/_2$ часовъ. Но не знаю, на всѣхъ-ли хорошо подѣйствовало послѣднее. Обувь и платье мало подходили къ сырому климату: неизмѣнные коты носились и зиму, и лѣто. Конечно, ноги промокали и зябли. Многіе простуживались и отказывались отъ двойной прогулки. Вмѣстѣ съ тѣмъ фортки въ окнахъ уже стали открывать по желанію, хоть на цѣлый день, тогда какъ прежде открывали только во время прогулки. Но какъ заботливо (!) Иродъ охранялъ нашу жизнь. Бывало, во время грозы летитъ сломя голову закрывать фортки.

1885 г. Логовскій безъ суда по именному приказу на 5 лѣтъ, по истеченіи которыхъ ему прибавили еще 5 лѣтъ, такъ что онъ просидѣлъ у насъ до 1895 г., послѣ чего его отправили въ Степное генералъ-губернаторство на 3 года.

Послѣ Логовскаго въ 1886 г. привезли Манучарова на 10 лѣтъ по суду. Въ 1892 г. его увезли на Сахалинъ. Въ 1889 же году по процессу пролетаріатцевъ были привезены Яновичъ и Варынскій. Изъ нихъ выжилъ только первый, нынѣ находящійся въ Средне-Колымскѣ.

– Я хотѣлъ бы оставить фортку открытой, — заявляешь ему.

— А если тебя убьетъ громомъ, я долженъ буду отвѣчать? Нѣтъ! — цинично отвѣчаетъ онъ и ни за что не оставитъ фортку открытой.

Вскорѣ на нашемъ горизонтѣ появился Шебеко (тов. мин. вн. дѣлъ, шефъ жандармовъ). Удивительно, какъ онъ напоминалъ Ноздрева. Впрочемъ, первый разъ онъ велъ себя довольно сносно, увѣрялъ нѣкоторыхъ, что за стукъ не наказываютъ. Но рядомъ съ этимъ сталъ говорить одному изъ товарищей, что начальство жаловалось на его дурное поведеніе. А когда товарищъ возразилъ, что хорошо ли само начальство ведетъ себя, то Шебеко прервалъ разговоръ, сказавъ: „нѣтъ времени!“ В. Н. заявила, что желала бы внести свои собственныя книги въ библіотеку, и онъ разрѣшилъ. Другимъ позволилъ сдѣлать тоже, и наша библіотека значительно пополнилась. Это было цѣлое событіе въ нашей жизни.

Этотъ годъ былъ годомъ расцвѣта нашей поэзіи. Поэтовъ наплодилось столько, что

почти каждый строчилъ стихи, разумѣется, какіе умѣлъ.

Настроеніе царило какое-то нѣжное, меланхолическое; чувство товарищества какъ будто бы сдѣлалось глубже, и каждый старался вылить ихъ въ поэтической формѣ. Но увы, только очень немногимъ удалось сдѣлать это. Большинство же писало стихами самыми неуклюжими. Къ послѣдняго рода поэтамъ принадлежалъ и пишущій эти строки. Впослѣдствіи, когда это настроеніе прошло, когда заднимъ числомъ я сталъ разбирать свои вирши, я часто удивлялся дерзости, часто спрашивалъ себя: откуда такая смѣлость, какимъ образомъ выходила рифма? Разгадка очень легка: я жилъ на бойкомъ мѣстѣ, черезъ меня проходили почти всѣ стихотворенія, которыя я долженъ былъ выстукивать отъ буквы до буквы. Вотъ эта то механика, очевидно, и породила во мнѣ слабость къ созвучіямъ.

По содержанію наши стихотворенія были довольно разнообразны: воспѣвалась прошлая жизнь, погибшіе борцы. . . „Прославлялась“ тюремная администрація; слабые призывались къ мужеству и стойкости и пр. и пр. Писа-

лись стихи и къ торжественнымъ днямъ: на именины и рожденія товарищей, вмѣсто подарковъ, на Новый Годъ. Нѣкоторые поэты писали только юмористическіе стихи.

Самыя лучшія стихотворенія были Морозова, В. Фигнеръ, Поливанова и Сер. Иванова.

Наше поэтическое настроеніе часто прерывалось прозой однообразной жизни. Одинъ изъ товарищей только что возвратился изъ карцера, какъ снова былъ туда отправленъ за стукъ. Другой товарищъ потребовалъ, чтобы возвратили отправленнаго или и его туда же увели. Послѣднее желаніе было исполнено. Третій товарищъ потребовалъ того же, но ему категорически отказали, можетъ быть, потому, что онъ былъ боленъ. Онъ сталъ кричать, чтобы его увели въ карцеръ или освободили заключенныхъ.

— Не уведу! сказалъ Иродъ и исчезъ.

Товарищъ сталъ пѣть и добился своего. Дѣло было поздно вечеромъ, лѣтомъ. И вотъ уведеннымъ товарищамъ въ первый разъ, послѣ долгаго сидѣнья, удалось увидѣть чистое голубое небо, усѣянное звѣздами. Одинъ

изъ уведенныхъ такъ передавалъ мнѣ потомъ свои впечатлѣнія. Въ воздухѣ царила какая-то торжественная тишина. Я просто опьянѣлъ, забылъ, что иду между кучи голубыхъ, останавливался и все смотрѣлъ на небо. Иродъ даже и тотъ не торопилъ. Неужели и этотъ звѣроподобный человѣкъ угадывалъ состояніе своихъ жертвъ? А, какъ не хотѣлось разставаться съ этимъ голубымъ сводомъ и идти въ глухую сырую келью! Другой товарищъ потомъ разсказывалъ, что и на него эта ночь произвела такое же впечатлѣніе. А третій товарищъ долго, долго вспоминалъ о ней. На другой день Грачевскій ударилъ доктора для того, чтобы его казнили. Одинъ изъ сосѣдей увѣрялъ, что онъ былъ психически боленъ. Изъ-за стѣны трудно судить. Извѣстно только, что нервы Грачевскаго были сильно расшатаны; повидимому, жизнь ему становилась невыносимой. Наканунѣ Богдановичъ его уговаривалъ, предлагалъ отложить, но онъ не послушался. . . Его тоже перевели въ карцеръ, но посадили очень далеко, и онъ никому не хотѣлъ отвѣчать. Что съ нимъ было до самой смерти — никто не знаетъ. Даже потомъ, когда туда посадили

другихъ, онъ не откликался. Что переживалъ онъ за это время!

Уведенныхъ въ карцеръ совершенно изолировали, и всякія сношенія съ ними прекратились на нѣсколько мѣсяцевъ. Это очень тревожило остальныхъ. Многимъ казалось, что съ ними очень дурно обращаются. Эта догадка нашла себѣ подтвержденіе въ томъ, что наши лампы въ камерахъ приковали къ стѣнамъ и стали запирать на замокъ, такъ чтобы нельзя было снять горѣлки. Что-то случилось? . . .

Поднялся вопросъ о томъ, чтобы требовать возвращенія товарищей изъ старой тюрьмы. Но, какъ водится тамъ, гдѣ много людей, гдѣ сообщеніе съ ними идетъ только черезъ стѣну, рѣшеніе затягивалось. И покойный Богдановичъ не вытерпѣлъ, сталъ пѣть, другіе товарищи тоже. Явилось начальство и въ тотъ же день всѣхъ возвратили. Отъ нихъ мы и узнали объ ужасной смерти Грачевскаго. Нѣкоторые изъ нихъ слышали смрадъ обгорѣлаго тѣла, но не сразу тоже узнали — что и съ кѣмъ произошло. Грачевскій снялъ горѣлку съ лампы, вылилъ керосинъ на матрацъ, легъ на него и зажегъ. . . Еле живого

его вынесли въ корридоръ, гдѣ онъ и кончился. Ужасная смерть!

Черезъ нѣсколько дней явился Шебеко и, какъ говорили, такъ раскричался на Ирода, что того разбилъ параличъ. Не изъ сожалѣнія, конечно, къ Грачевскому кричалъ онъ, а потому, что слишкомъ небрежно наблюдаютъ за плѣнниками. И, поистинѣ, удивительно, какъ это бдительный духъ Ирода допустилъ такую вещь. Должно быть, жандармы заснули.

Въ тотъ же мѣсяцъ перемѣнилась вся наша администрація: Ирода, доктора и коменданта убрали, прислали намъ другихъ. Отношенія измѣнились: перестали говорить на „ты“; улучшилась нѣсколько пища; больничную порцію стали назначать свободнѣе; прислали новыхъ, хотя и не важныхъ, книгъ. Пользуясь болѣе свободными условіями, мы вмѣсто стука придумали утилизировать водосточныя внутреннія трубы, стали лазить на окна смотрѣть въ фортки на бѣлый свѣтъ. Правда, нашъ бѣлый свѣтъ былъ не богъ вѣсть чѣмъ, но все же разнообразіе. За это вновь стали преслѣдовать. Одному сдѣлали выговоръ, и онъ хотѣлъ ударить за это смотрителя, но

не удалось, и вмѣсто удара онъ плюнулъ въ физіономію. . .

Явился вновь Шебеко, но уже не такимъ, какъ прежде. Очевидно, онъ рѣшилъ нагнать на насъ холоду. Отворяется камера Т., и Шебеко изъ корридора кричитъ: — Плети, вамъ плети! — и дверь моментально захлопывается.

Т. даже не успѣлъ разсмотрѣть, кто и что кричалъ.

Затѣмъ отворили дверь Ш.

— Террористы, по физіономіи видно . . . плетьми васъ! . . . и съ новой дверью повторяется то же самое. Послѣ этого Шебеко заглянулъ еще къ двумъ или тремъ товарищамъ, изрыгнулъ тѣ же слова и болѣе не заходилъ ни къ кому.

Такая дерзость и грубость страшно возмутили всѣхъ. Снова поднялся вопросъ о протестѣ, о томъ, что дѣлать, чѣмъ отвѣчать, если къ кому-либо примѣнять такое наказаніе. Возбужденіе было такъ сильно, что если бы дѣйствительно кого нибудь наказали, развязка была бы очень трагическая. Пока же рѣшили порвать и выбросить инструкціи, висѣвшія въ каждой камерѣ на стѣнѣ. Объ этомъ,

очевидно, дали знать въ Петербургъ. Опять пріѣхалъ Шебеко, но уже съ иными намѣреніями. Войдя къ Людмилѣ В., онъ прямо заговорилъ объ ея мамашѣ.

— Ваша мамаша была въ Департаментѣ.

— Я желала бы прежде знать, съ кѣмъ я говорю? — прервала его Людмила, догадываясь, что это и есть тотъ герой, который въ прошлый разъ гарцовалъ передъ плѣнниками.

— Я генералъ Шебеко.

— Такъ это вы позволили себѣ въ прошлый разъ грубости съ моими товарищами? . . . Я не желаю съ вами говорить и не желаю отъ васъ ничего слушать, уходите . . . . — сказала она и повернулась спиною.

Больше онъ уже не заходилъ ни къ кому и никогда не посѣщалъ насъ. Но результатомъ его послѣдняго визита было то, что намъ убавили камеры, заложивъ два угла такъ, что камера получилась шестиугольная. Затѣмъ передѣлали трубы, чтобы въ нихъ нельзя было разговаривать; но мы ухитрились пользоваться и новыми. Въ это время умеръ Богдановичъ. Здоровье его еще въ Равелинѣ было сильно расшатано, но все

время онъ перемогался и во всѣхъ протестахъ принималъ живѣйшее участіе. Незадолго передъ роковымъ исходомъ у него появилось лихорадочное состояніе. По его же просьбѣ его перевели въ старую тюрьму, гдѣ онъ надѣялся въ одиночествѣ поправить свое здоровье. Но вышло еще хуже. Больного его перевели въ холодную ванну, гдѣ онъ схватилъ воспаленіе легкихъ. Когда его возвратили къ намъ, то кровь шла горломъ. Лечили его довольно усердно. Но къ чему уже было это лѣченіе? Отъ потери крови онъ впалъ въ безсознательное состояніе: часто что то кричалъ, стоналъ. Какъ мучительно отдавались эти крики въ тюрьмѣ, точно саванъ повисъ надъ всѣми, точно изъ груди вырвался кусокъ, мѣсто, гдѣ хранилось самое дорогое чувство. . . Разговоры только и вращались на томъ, что слышно объ Юріи, что сказалъ докторъ, что сказалъ смотритель о немъ. . . Скоро его не стало.

Нѣсколько дней царила у насъ мертвая тишина. Даже стучать не хотѣлось. Чувствовалось, что потеряли друга и товарища, который при нападеніи шелъ первый, при отступленіи послѣдній, который умѣлъ любить

товарищей, защищать ихъ и жертвовать для нихъ всѣмъ. Протестантскій духъ тоже затихъ на нѣкоторое время. До самаго увоза Караулова надъ тюрьмой висѣлъ какой-то кошмаръ.

Сначала всѣ сомнѣвались, что Караулова увезутъ въ срокъ, т. е. въ ноябрѣ 1888 г. Но за два—три мѣсяца до срока ему сообщили о женѣ, что она кончила медицинскіе курсы и живетъ въ Петербургѣ. Въ день увоза Караулова была открыта первая столярная мастерская, но работать въ ней пускали только одного Варынскаго, который былъ уже въ послѣднихъ градусахъ чахотки и умеръ черезъ три мѣсяца.

8 ноября Карауловъ гулялъ съ Морозовымъ. Вдругъ за нимъ приходятъ голубые и говорятъ: „пожалуйте!“ Такъ и исчезъ нашъ Карауловъ. Хотя надежды было мало на его увозъ, однако, еще заранѣе мы всѣ снабдили его порученіями къ роднымъ и навязали даже стихи.

Въ февралѣ сильно заболѣлъ Варынскій. Съ докторомъ у него часто происходили столкновенія изъ-за лѣкарствъ. Гулять онъ уже не могъ ходить, хотя иногда голубые во-

дили его подъ руки. Но присутствіе этихъ людей только раздражало больного. Мы пробовали просить начальство, чтобы хоть кого нибудь изъ товарищей пускали къ нему для помощи, но получили категорическій отказъ Пріѣхалъ ревизоръ, какой то чиновникъ изъ Департамента Полиціи, и на такую просьбу одному отвѣтилъ самой циничной фразой.

— Вы, пожалуй, захотите, чтобы къ вамъ назначили сестръ милосердія для больныхъ,— сказалъ и убрался.

Покойный Варынскій былъ въ высшей степени симпатичный человѣкъ и выдающійся дѣятель; но у насъ его мало кто зналъ, такъ какъ онъ работалъ въ Польшѣ.

Въ мартѣ 1889 г. привезли Оржиха. Очевидно, послѣднія двѣ смерти отразились на высшей администраціи. Вскорѣ были разрѣшены еще работы: переплетныя и ажурныя. Затѣмъ всѣмъ дали свиданія и огороды. Наша усыпальница вновь оживалась. Пробовали расширить огороды — насадить овощей и цвѣтовъ въ клѣткахъ для гуляній; но голубые разоряли наши новые разсадники, самымъ безжалостнымъ образомъ раскапывая весь песокъ и землю. Помню, кто то заявилъ объ

этомъ смотрителю, и тотъ отвѣтилъ: „начальство не приказало!“ Прислали еще книгъ, но больше спеціальныхъ и мало интересныхъ, по своему усмотрѣнію. Всѣмъ это не понравилось. Рѣшили добиваться, чтобы книги присылали по нашимъ спискамъ. Но прежде, чѣмъ добиться новаго, намъ пришлось отстаивать старое.

Осенью 1889 г. насъ вздумалъ навѣстить директоръ Департамента Полиціи Дурново. Онъ, какъ и слѣдуетъ истинному хозяину усыпальницы, обходилъ всѣхъ и, мало того— старался заглянуть во всѣ углы въ каждой кельѣ. Разговаривалъ сдержанно и вѣжливо, но въ этой вѣжливости сквозило что-то мелочно злое. Вотъ входитъ онъ къ С. Иванову.

— Здравствуйте! Какъ ваше здоровье? Чѣмъ занимаетесь? — спрашиваетъ онъ, а самъ упорно глядитъ на столъ.

— Читаете. . . Что? — и эта маленькая фигурка приближается къ столу, на которомъ лежитъ Кинэ Исторія Французской Революціи на французскомъ языкѣ.

— Гмъ! Кинэ? Откуда эта книга здѣсь? — многозначительно спрашиваетъ онъ, скрывая

свое недовольство. Сергѣй отвѣчаетъ что это одна изъ нашихъ книгъ, внесенныхъ въ библіотеку.

— Нѣтъ ли какихъ заявленій, жалобъ? — продолжаетъ Дурново и уходитъ, но куда? Прямо въ библіотеку. Требуетъ каталогъ и дѣлаетъ распоряженіе — изъять всѣ книги, которыя были внесены нами. Но мѣстная администрація не сразу приступила къ исполненію этого приказанія, должно быть предвидѣла послѣдствія, потому что знала, какъ всѣ дорожатъ книгами.

Забѣгалъ комендантъ по камерамъ съ жалобами на нашу неосторожность, стараясь подготовить ударъ, но дѣлалъ это неумѣло и только всѣхъ раздражалъ. А затѣмъ намъ прямо объявили, чтобы мы сдали всѣ собственныя книги въ библіотеку, а кто не сдастъ, у тѣхъ отберутъ. Послѣднее сдѣлать было не трудно во время прогулки или ванны, когда въ камерѣ нѣтъ жильца. И всѣ наши книги изъяли изъ библіотеки. Негодованію не было конца.

Насъ еще оберегаютъ отъ вредной литературы, точно гимназистовъ или институтокъ. Да и не издѣвательство-ли это? Сами разрѣ-

шили назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ и теперь вновь отняли все безъ разбора. . . Надо требовать возвращенія книгъ. . . Но какъ этого добиваться! Были сдѣланы разныя предложенія: одни совѣтовали отказаться отъ прогулки, другіе — голодъ.

Предлагавшіе послѣдній способъ понимали, что онъ невозможенъ для всѣхъ, что онъ требуетъ много силъ и здоровья, а здоровыхъ людей у насъ почти не было. Но другія формы протеста были недѣйствительны и поэтому пустили на голоса голодовку. Большинство высказалось за, и только четверо отказались принять участіе. Но было рѣшено, чтобы голодали только сторонники. Тѣмъ же изъ послѣднихъ, кто послабѣе, было предоставлено право присоединиться, т. е. начать голодать черезъ четыре дня послѣ здоровыхъ. И это было принято. Протестъ начался.

Приносятъ голубые обѣдъ.

— Не нужно! — раздается въ одну фортку.

— И мнѣ не нужно! — слышится въ другой и т. д. и т. д.

Противники тоже скоро присоединились. И всякіе разговоры и споры кончились. Да и что говорить тогда, когда дѣло уже началось.

Первый день прошелъ даже весело. Много разговаривали въ трубы, даже пѣли, читали разные разсказы, стихи собственнаго произведенія, острили. Второй день показался тяжелѣе. На третій день и четвертый ощущеніе голода очень усиливается. Одинъ больной К. признавался, что ему было такъ трудно въ этотъ четвертый день, что онъ съѣлъ свои микроскопическіе шахматы, сдѣланные годъ тому назадъ изъ хлѣба.

— И жесткіе же, чертъ ихъ возьми, чуть зубы не поломалъ! — шутилъ онъ.

— Ну, и что же, теперь ты сытъ?

— Кой Чертъ. Еще хуже хочется ѣсть. . .

— Промахнулся, братъ, ты. Слѣдовало надѣлать ихъ побольше и покрупнѣе.

Но шутки шутками, а состояніе духа было не особенно важное. Настроеніе мѣнялось. Общія бесѣды становились все рѣже и рѣже. Самое лучшее было — это лежать, какъ можно больше и какъ можно меньше двигаться. Въ такомъ положеніи время проходитъ въ какой-то полудремотѣ, а иногда даже въ неясныхъ галлюцинаціяхъ. Но все же гораздо легче. Я, помню, пролежалъ почти

четверо сутокъ и совсѣмъ мало страдалъ собственно отъ голода.

Явился комендантъ. Зашелъ къ нѣкоторымъ и справился, почему не берутъ пищи. Ему заявили. . .

— Но этимъ вы ничего не добьетесь. Не отъ меня это зависитъ. Департаментъ приказалъ отобрать книги. . .

— Для насъ все равно. . .

— Но, вѣдь, вы себя мучаете. . .

— Насъ къ этому вынудили. . .

— Я ничего не могу — закончилъ онъ и ушелъ.

На седьмой день у нѣкоторыхъ открылся кровавый поносъ и признаки крайней слабости. Это заставило говорить о прекращеніи голода. Не доводить же до смерти. . . Поводъ къ такимъ жертвамъ слишкомъ малъ, — сказалъ одинъ.

— Это слишкомъ жестоко! — прибавилъ другой.

Протестъ близился къ концу. Нѣкоторые прямо заявили, что они не въ силахъ больше голодать.

— Мы начнемъ брать пищу!

— Пусть ѣдятъ. Потомъ можно продолжать, — сказалъ кто-то, не знаю, серьезно или шутя.

Силы, терпѣніе слабѣли съ каждымъ днемъ; съ каждымъ днемъ все настойчивѣе повторялись требованія — прекратить протестъ, потому, молъ, что умирать изъ-за такой мелочи не слѣдуетъ, да и умереть не возможно . . . и т. д. и т. д.

Начальство, замѣтно было, не намѣревалось уступать. И вотъ послѣ десятидневной голодовки рѣшили прекратить ее. . . Впрочемъ, нѣкоторые, въ томъ числѣ и В. Н. Ф., продолжали голодать нѣсколько дней. А одинъ открылъ себѣ артерію на рукѣ еще на 8-ой день, его замѣтили жандармы и увели въ старую тюрьму.

Настроеніе послѣ этого было ужасное. . . Началась критика, оцѣнка всего. Отношеніе между товарищами стали уже не тѣ: не было той сердечности, довѣрчивости и нѣжности. Росло недовольство. Вообще жилось и чувствовалось первые дни послѣ голодовки въ высшей степени скверно. А тутъ еще явился комендантъ и прочелъ бумагу, полученную

изъ департамента полиціи, въ которой говорилось, что книги не будутъ возвращены, а тетради, тоже отобранныя въ это время, можетъ быть, и возвратятъ, но лишь когда ихъ просмотрятъ. Такимъ образомъ начальство объявило намъ о своей побѣдѣ и тѣмъ еще болѣе ухудшило наше душевное настроеніе. Опять пошли толки, споры, что дѣлать, какъ отвѣтить. Но тутъ произошло несчастье сначала съ однимъ товарищемъ, а потомъ и съ другимъ.

Заболѣлъ психически Конашевичъ: отказался гулять съ товарищами, сталъ уединяться. Напрасно старались его спасти, вызвать на разговоръ. Онъ сталъ шумѣть, его увели въ старую тюьму, гдѣ, впрочемъ, онъ пробылъ не долго. А когда возвратился, то уже и свиданія плохо дѣйствовали на него.

Это ужасное несчастье отвлекло наше вниманіе отъ протестовъ.

Къ тому же черезъ два или полтора мѣсяца намъ прислали новыхъ, — не нашихъ конечно, — книгъ. Смѣнили нашего коменданта и назначили на его мѣсто другого, болѣе умнаго и ловкаго. Открыли еще нѣ-

сколько мастерскихъ и обѣщали въ скоромъ времени дать всѣмъ работу.

Запоздалая уступка хотя и замѣчалась всѣми, на мало измѣнила наше настроеніе и не могла возвратить прежнихъ отношеній. . . Какъ ихъ было жаль! . . . Сколько тамъ было свѣта и тепла! . . . Теперь все покрылось какимъ-то холоднымъ покровомъ.

Сошелъ съ ума другой товарищъ. Сталъ говорить богъ знаетъ что, съ ужаснымъ недовѣріемъ относиться ко всѣмъ почти товарищамъ. Хотѣлъ тоже уединиться, но этого ему не удалось: мы настойчиво и даже назойливо приходили къ нему на гулянье. Эти свиданія представляли часто невыносимую пытку: почти всякій разъ можно было видѣть еще въ немъ проблески сознанія. . . Но слезы, отчаяніе, неистовый смѣхъ, смѣхъ дикій, ужасный, чередовались въ короткіе промежутки. . . Начальство повидимому, само догадалось, что режимъ надо измѣнить еще болѣе и разрѣшило работы всѣмъ. Вотъ набросились то мы всѣ! Наступило настоящее помѣшательство на работѣ. Мастерскихъ было мало, а желающихъ ходить въ нихъ

слишкомъ много, и, кромѣ того, въ началѣ работали по одиночкѣ. Большинству надо было еще учиться, черезъ стѣнку выслушивать лекціи. . . Вечера были самымъ безпокойнымъ временемъ: шумный стукъ оглашалъ часто всю тюрьму. Одинъ заявляетъ, что онъ завтра идетъ въ токарную, а другой, что онъ: его, молъ, очередь; третій собирается потому, что не кончилъ работы. Начинаются препирательства, споры, и т. д. Другіе стучатъ, выражая желаніе пойти въ столярную, и изъ-за послѣдней происходитъ то же состязаніе. Всѣ хотятъ работать и въ работѣ разрядить нервы, но назначаютъ работы жандармы. Это сопровождается кучей неудобствъ, столкновеній, неудовольствій. Зарождается мысль забрать въ свои руки распредѣленіе мастерскихъ, выписку для нихъ матеріаловъ, инструментовъ и пр., и пр.

И, дѣйствительно, какая тутъ работа, когда приносятъ матеріалы, какіе не нужны, назначаютъ не въ тѣ мастерскіе, въ какихъ желаешь работать, и не тогда, когда хочется особенно поразвлечься, поразмяться. Вновь пошли объясненія съ начальствомъ, которому доказывалось, что мастерскія только тогда и

будутъ имѣть значеніе, когда завѣдываніе ими перейдетъ всецѣло въ наши руки.

— Такъ мы и думали, — отвѣчаетъ комендантъ, — чѣмъ болѣе вамъ дѣлается уступокъ, тѣмъ болѣе возростаютъ ваши требованія. Мы этого допускать не можемъ.

— Тогда зачѣмъ же было и открывать мастерскія? Нельзя работать при такихъ условіяхъ, потому что это только раздражаетъ...

— Просите высшее начальство. Скоро пріѣдетъ ревизоръ, — старался успокоить комендантъ.

Но прежде, чѣмъ явился ревизоръ, уже начались уступки. Купленные жандармами матеріалы не принимаютъ, говорятъ, что они негодны. Настаиваютъ на томъ, чтобы все покупалось по нашимъ спискамъ. Требуютъ, чтобы давали работать вдвоемъ, такъ чтобы умѣющіе могли помогать неумѣющимъ. Настаиваютъ, чтобы и больныхъ душевно пускали работать вдвоемъ. На послѣднее особенно напирали, видя какъ хорошо вліяетъ физическій трудъ на нервы. Пришлось обратиться и къ доктору.

— Развѣ можно давать инструменты психически больнымъ, да еще оставлять ихъ съ

другими въ мастерскихъ? А если они убьютъ! Мы должны тогда отвѣчать, — отказывался докторъ.

— Не заботьтесь. Ничего такого не случится.

— Вы говорите, не случится, — вмѣшивается смотритель, глупѣйшій изъ глупѣйшихъ людей въ свѣтѣ, — а вотъ 28-ой все буянитъ. . . Нѣтъ, нѣтъ. . . Я боюсь, боюсь . . . — сгорбившись, пятится онъ къ двери на своихъ тоненькихъ ножкахъ-палочкахъ.

Но въ концѣ концовъ все же уступаетъ.

Устраиваются новыя мастерскія. Больные ходятъ работать вдвоемъ. Одинъ изъ нихъ такъ увлекается, что каждый день работаетъ до седьмого пота. Возвращается въ камеру точно окунуты въ воду, усталый, но спокойный и въ хорошемъ настроеніи. Здоровье его замѣтно улучшается: онъ не говоритъ уже той чепухи, что раньше; не впадаетъ въ мучительную ипохондрію. У всѣхъ является радостная надежда — спасти его. Да и его-ли одного спасла работа? Нѣсколько человѣкъ нѣкоторое время только и жили ею, только и поддерживали себя. Они работали

и днемъ, и ночью: брали работу въ камеру. Только и слышишь, бывало, то тамъ, то тутъ пилятъ, скребутъ, долбятъ.

Общее настроеніе, состояніе нервовъ у всѣхъ улучшилось. Точно встревоженный муравейникъ, закопошилась тюрьма.

Позволили и нашимъ дамамъ работать въ столярныхъ и токарной мастерской. Добродушнымъ шуткамъ не было конца, особенно по адресу В. Н. Ф. Вѣдь она по виду такая маленькая, изящная, хрупкая.

— Вѣра, тамъ надо бревна пилить и тесать, — коварно говоритъ ей одинъ изъ товарищей, который всегда увѣрялъ всѣхъ, что В. Н. ни отъ какой работы не откажется.

— Присылайте, я буду тесать, а пилить будемъ на гуляньѣ съ Людмилой, — серьезно отвѣчала она.

— Я такъ и зналъ. . . Ха, ха, ха, — раздается смѣхъ товарища.

И Вѣра настойчиво требуетъ себѣ бревенъ. Рубитъ, пилитъ, тешетъ, конечно, не такъ быстро, но не хочетъ отстать отъ другихъ. Работа и на нее подѣйствовала въ высшей степени благотворно. Ея нервы успокоились, физическое здоровье улучшилось.

Но какъ и всегда водится въ глухихъ тюрьмахъ, праздничное настроеніе царитъ не долго. Тяжко заболѣлъ Буцинскій: у него началась водянка. Всѣ чувствовали, что скоро смерть унесетъ еще одного товарища. Оживленіе стало падать, а если когда и проявлялось, то всегда съ оттѣнками глубокой молчаливой тоски.

За нѣсколько дней до смерти Буцинскаго стали насъ пускать къ нему въ камеру для помощи. Самъ онъ едва уже держался на ногахъ, но духомъ былъ бодръ и чрезвычайно веселъ. Наканунѣ смерти пришелъ къ нему одинъ изъ товарищей и сидѣлъ часовъ пять.

— Запѣвайте что-нибудь! — сказалъ онъ ему. Буцинскій былъ большой любитель пѣнія. Мы знали, что при пѣніи ему становилось лучше. И хотя было больно и грустно, но товарищъ запѣлъ любимую пѣсню Буцинскаго: „Не бѣлы снѣги“. Онъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ сталъ творить товарищу съ полуоткрытыми глазами. Товарищу стало не до пѣнія; онъ замолкъ. Неизвѣстно, замѣтилъ-ли что Буцинскій на лицѣ товарища,

но вдругъ живо сказалъ: „не бойтесь, я совершенно бодръ. Запѣвайте что-нибудь поживѣе“ . . . . На слѣдующее утро все было кончено. . . .

IV.

Смерть Буцинскаго, хотя и очень любимаго всѣми, не оставила послѣ себя такого глубокаго и тяжелаго слѣда, какой оставался обыкновенно послѣ смерти другихъ товарищей: онъ умеръ въ тотъ періодъ, когда жизнь остающихся была особенно тяжела, и на его конецъ смотрѣли больше какъ на избавленіе отъ долгихъ и мучительныхъ страданій.

Не задолго до смерти Буцинскаго всякимъ нашимъ ожиданіямъ и надеждамъ выбраться хоть кому нибудь изъ этого склепа былъ нанесенъ жестокій ударъ. Въ 1890 г. кончался срокъ Лаговскому, привезенному къ намъ административно въ 1885 году. Всѣ надѣялись, что его увезутъ, и почему-то такъ были увѣрены въ этомъ, что задолго до срока стали

давать ему всевозможныя порученія. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ только и занимался пріемомъ такихъ порученій: училъ наизустъ стихи, адреса родныхъ и пр. Настроеніе у всѣхъ было крайне приподнятое, а самъ виновникъ не спалъ по ночамъ, все бѣгалъ изъ угла въ уголъ. . .

Но вотъ наступаетъ день срока: никакихъ намековъ на увозъ Лаговскаго! Сводили всѣхъ на прогулку: опять ничего! Лаговскій нервно бѣгаетъ по камерѣ. Остальные точно замерли, прислушиваются къ малѣйшему шороху въ корридорѣ. Неужели не увезутъ? — какъ-то робко спрашиваетъ меня сосѣдъ. — Мы плѣнники, — съ нами все могутъ сдѣлать, — отвѣтилъ я не безъ злости.

Наконецъ въ корридорѣ зазвякали шпоры и прямо направились къ двери Лаговскаго.

— Кто былъ? Что сказали Лаговскому?... посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ, какъ только шпоры вновь прозвенѣли по корридору.

Лаговскій отвѣтилъ не сразу. И мы полагали уже, что его увели. Но какое жестокое разочарованіе! Вдругъ онъ стучитъ.

— Мнѣ комендантъ прочелъ бумагу. . . по указу . . . меня оставили здѣсь еще на 5 лѣтъ!

— За что? Почему? Это подлость! Мы должны требовать — раздалось со всѣхъ сторонъ. Послѣдній призывъ замеръ въ корридорѣ и только напомнилъ намъ недавнюю неудачу, безсиліе, о которыхъ даже больно вспоминать. . . Да, больно. . . Но еще больнѣе переносить ничемъ неоправдываемый произволъ, это непонятное насиліе. Всѣ сознавали, что отвѣтить необходимо; но какъ только поднимался вопросъ о способѣ и формѣ отвѣта, закипали чувства раздраженія и отчаянія.

— У насъ нѣтъ никакихъ средствъ. . . . Мы, жертвы насилія, и вдругъ хотимъ добиваться его уничтоженія?! Наивно! — говорили одни.

— Пора уже бросить всякіе протесты. Довольно одного. . . Измѣрили свои силы, узнали другъ друга: мало развѣ пострадали наши внутреннія отношенія? — прибавляли противники всякихъ протестовъ.

— Не рабы же мы въ самомъ дѣлѣ, чтобы переносить всякое нахальное издѣвательство! — настаивали сторонники протеста.

— Кромѣ разстройства нервовъ ничего не дасть вашъ протестъ! — отвѣчали противники.

Эти споры едва-ли были искренни; мнѣ не разъ приходилось слышать и видѣть страшное негодованіе со стороны противниковъ протеста; но я не думаю, чтобы они препятствовали протесту изъ малодушія. Нѣтъ. Въ неволѣ душа слишкомъ изъявляется, и объяснять тотъ или другой поступокъ однимъ какимъ-либо мотивомъ невозможно. Постоянное напряженіе нервовъ такъ утомляетъ, такъ сильно поражаетъ волю, что самые спокойные люди прорывались тамъ, гдѣ можно было бы махнуть рукой на выбившую ихъ изъ колеи мелочь. А то вдругъ и самые рьяные протестанты переносили такія обиды, на которыя, казалось, могъ быть только одинъ отвѣтъ. . . . Въ такихъ случаяхъ все зависѣло отъ момента, отъ потребности душевнаго спокойствія или „разряженія нервной энергіи“, какъ у насъ говорили.

Исторія съ Лаговскимъ случилась именно въ такой моментъ, когда большинство нуждалось въ отдыхѣ. И предполагаемый протестъ не состоялся, хотя у нѣкоторыхъ бродила

мысль отвѣтить „лично“. И явись кто-нибудь къ намъ вскорѣ послѣ этого, безъ драмы не обошлось бы. Лаговскій нѣсколько дней ходилъ какъ сумасшедшій. Всѣ опасались за него. Всѣми способами старались его развлечь. Мало-по-малу онъ примирился съ судьбою, но за то измѣнился до неузнаваемости: посѣдѣлъ, лицо его покрылось морщинами, даже темпераментъ его сталъ не тотъ. Онъ сдѣлался ровнѣе, спокойнѣе. А у насъ исчезла послѣдняя надежда, что хоть срочныхъ будутъ увозить.

— Теперь уже ясно — никому отсюда не выйти — говорили нѣкоторые; недаромъ одинъ изъ ревизоровъ сказалъ: „эта тюрьма — вашъ гробъ“.

Гробъ-то гробъ, но въ немъ все-же живые люди. Душная атмосфера слишкомъ невыносима; если не очищать ея, то, пожалуй задохнешься. Очистка началась съ учрежденія „журналовъ“, съ распространенія шахматной игры. Именно въ этотъ періодъ появился у насъ первый иллюстрированный журналъ „Винегретъ“. Само уже названіе говоритъ, что онъ изъ себя представлялъ. Редактировали его нѣсколько человѣкъ; редакторы же

были и постоянными его сотрудниками, художниками и т. д.

Первый номеръ вышелъ въ видѣ небольшой переплетенной книжки въ одномъ экземплярѣ. Статьи были, конечно, рукописныя, но довольно разнообразныя по содержанію. Передовица трактовала о молодежи 1887 г. и для насъ была печальною новостью, такъ какъ молодежь рисовалась въ ней не въ особенно приглядномъ видѣ. Затѣмъ слѣдовали: плохенькій разсказъ, воспоминанія, статьи по математикѣ, по статистикѣ и промышленности въ Россіи и Польшѣ; стихи. А между статьями были вклеены рисунки акварельные и карикатуры. Одинъ рисунокъ изображалъ громадный столъ, уставленный разными явствами; вокругъ него вкушающіе гастрономы. Между ними легко было узнать одного изъ товарищей-толстяковъ (человѣка громаднаго аппетита), со ртомъ, открытымъ чуть-ли не до ушей. Слѣдующая картина — появленіе въ камерѣ смотрителя съ голубыми; затѣмъ запорожецъ, сидящій на скошенной нивѣ и „латающій“ свой туалетъ. Подъ всѣми рисунками были ироническія, веселыя подписи, которыя дѣлалъ обыкновенно Г.

Журналъ повліялъ на всѣхъ какъ зараза. Къ слѣдующему номеру почти весь нашъ міръ обратился въ писателей. Кто только не сочинительствовалъ! . . . Въ одномъ журналѣ помѣстить всѣхъ статей не было никакой возможности не только потому, что его объемъ былъ бы слишкомъ великъ, но и, — по партійности и по личнымъ антипатіямъ! . . . Возникновеніе новаго журнала стало неизбѣжнымъ. Появился „Разсвѣтъ“, издававшійся небольшой группой.

Многіе были крайне недовольны его появленіемъ, частью изъ предусмотрительности, главнымъ же образомъ потому, что появившійся журналъ какъ бы закрѣплялъ тотъ расколъ въ тюрьмѣ, который произошелъ совершенно по другимъ причинамъ, — и, надо сознаться, по самымъ несерьезнымъ. Журналы передавались другъ другу на свиданіяхъ и черезъ заборъ.

Образовалось два литературныхъ лагеря. По числу сотрудниковъ, по изяществу и рисункамъ первенство осталось за „Винегретомъ“. Но 1-й № „Разсвѣта“ былъ гораздо лучше по своимъ статьямъ, щеголяя особенно разсказами. Разсказъ С. Иванова „Переправа“

представлялъ прямо художественную вещь; хорошъ былъ разсказъ Попова изъ босяцкой жизни; очень недуренъ разсказъ N. изъ крестьянской жизни. Публицистическія же статьи второго журнала не удались и, какъ въ „Винегретѣ“, сильно отдавали „патріотизмомъ“, трактуя, наприм., о „преимуществахъ“ русской промышленности надъ польскою. У каждаго журнала былъ свой „патріотизмъ“: въ „Разсвѣтѣ“ собрались русскіе патріоты, а въ „Винегретѣ“ — польскіе.

Началась ожесточенная полемика: „Винегретъ“ доказывалъ, что промышленность Польши несравненно выше русской; „Разсвѣтъ“ утверждалъ противное. И съ двухъ сторонъ въ доказательство приводились цифры, почерпнутыя изъ Васильчикова, Янжула, стараго-престараго суворинскаго календаря и т. п. Къ чести нашихъ статистиковъ надо сказать, что какъ горячо они не доказывали свои мнѣнія, они всегда держались приличнаго тона въ полемикѣ. Разсвѣтскій „патріотъ“ въ концѣ концовъ шагнулъ уже слишкомъ далеко: онъ сталъ утверждать, что Россіи необходимо завоевать всѣ проливы, Индію, Персію, захватить Константинополь и стать

во главѣ всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ отвѣтъ на это его противникъ лишь сдержанно посмѣивался и, кажется, подалъ мысль для каррикатуры слѣдующаго содержанія: высоко-высоко поднимаются Памирскія горы: у подножья ихъ со стороны Россіи нашъ патріотъ съ громаднымъ портфелемъ подъ мышкой, на которомъ значится „1000 проектовъ“, и силится перетащить себя и этотъ грузъ черезъ горы. А тамъ уже его ждетъ левъ съ широко разинутой пастью.

Мы всѣ шутили надъ патріотизмомъ нашего публициста С. Одинъ старичекъ — воплощенное добродушіе — А. нерѣдко острилъ надъ своимъ другомъ.

— А что, Н. П. — вѣдь ты еще не все забралъ. Неужели нѣмцевъ не поколотишь? Сначала ихъ надо вздуть. Иначе они ничего тебѣ не дадутъ!

Тотъ флегматично улыбался, но не сердился.

Совсѣмъ иной, боевой, характеръ приняла полемика въ другихъ отдѣлахъ. Началась она, какъ водится съ критики, сначала довольно мягкой; но тутъ скоро столкнулись два горячіе темперамента, не хотѣвшіе усту-

пить другъ другу въ мнѣніяхъ. То и дѣло въ статьяхъ стали прорываться рѣзкія слова; въ полемику втягивались постороннія лица. Раздраженіе росло и грозило совершеннымъ прекращеніемъ журналовъ. Меду тѣмъ сотрудники только-что стали, что называется, налаживаться и пріобрѣтать литературные навыки; да и содержаніе журналовъ стало богаче, разнообразнѣе. Появились разсказы изъ тюремной жизни, изъ рабочей; появились фантастическія повѣствованія во вкусѣ Фламмаріона. Но полемика портила все. Поднялся даже вопросъ о болѣе строгой „цензурѣ“, — иначе многіе грозили не брать въ руки журналы, выходившіе теперь правильно каждый мѣсяцъ. Съ своей стороны и сотрудники — а между ними были очень цѣнившіеся — настаивали на очищеніи полемики. Вѣра Николаевна болѣе всѣхъ старалась въ этомъ отношеніи. Она даже долгое время не хотѣла участвовать ни въ одномъ журналѣ и только въ послѣдствіи помѣстила сначала свои стихи, а потомъ хорошенькій разсказъ „Няня“ изъ своей юной жизни.

Наконецъ цензура нахмурила брови и настаивала нѣсколько заплатъ въ отдѣлѣ кри-

тики, который велъ Г. подъ псевдонимомъ „Кирика“. Авторъ чрезвычайно возмутился. Произошли горячія объясненія съ редакторами.

— Это что такое? Мнѣ, старому человѣку, надѣвать намордникъ? Неужели я незнакомъ съ литературными пріемами! — горячился Кирикъ.

— Но куда поведетъ такая полемика? — возражали ему.

— Не въ томъ дѣло. Зачѣмъ заклеивать безъ моего вѣдома? Надо было мнѣ сказать, а не брать подъ опеку. Вы знали мою статью, читали ее, — совершенно основательно доказывалъ Кирикъ.

Въ „Разсвѣтѣ“ же появилась грозная статья, направленная прямо противъ Кирика. Послѣдній разразился въ свою очередь громовымъ отвѣтомъ, который сначала былъ принятъ въ „Винегретѣ“, а затѣмъ вырванъ. . .

Послѣ этого оба журнала стали худѣть, потеряли многихъ сотрудниковъ и читателей и, наконецъ, совсѣмъ прекратили свое существованіе.

На нѣкоторое время наступило журнальное затишье, но сочинительство не прекратилось:

большинство фабриковало статьи и разсказы. Голубые удивлялись, на что это мы беремъ такое количество письменныхъ принадлежностей, особенно бумаги, и стали притѣснять, т. е. неохотно ее выдавать. Но и тутъ намъ удалось настоять. Мало этого: намъ, какъ бы въ утѣшеніе, дали журналы: „Ниву“ за 1887—1889 гг. и „Паломникъ“ за 1887 г. На эту ужасную словесность мы набросились тѣмъ не менѣе, какъ на какое то духовное лакомство: читали чуть-ли не отъ доски до доски. Обзоръ политическихъ событій далъ намъ нѣкоторый матеріалъ для бесѣдъ и, не повѣрите, для нашихъ журналныхъ статей (!). Одинъ изъ товарищей составилъ изъ этого матеріала длинный рядъ очерковъ, въ которыхъ старался изобразить политическую и экономическую жизнь Европы. А статистика! О, она внесла немало сомнѣній и новыхъ данныхъ для нашихъ полемистовъ. Пришлось дѣлать поправки, добавленія къ старымъ цифрамъ. И все это дѣлалось самымъ серьезнымъ образомъ.

Если бы въ это время какой-нибудь совершенно свѣжій человѣкъ поглядѣлъ на насъ въ „глазокъ“, то онъ, навѣрное, счелъ бы

всѣхъ за сумасшедшихъ. Такъ мы увлекались, такъ набрасывались на всякую новинку; и у насъ немедленно зарождалась мысль, какъ бы эту новинку повторить и расширить. Разъ намъ дали журналы за 1889 г., почему же не дать и за 1890 г.?

— Господа, надо позвать коменданта и поговорить съ нимъ, чтобы намъ выдали и за слѣдующій годъ „Ниву“ — простучалъ кто-то.

— Не „Ниву“, а толстые журналы. Неужели насъ все еще будутъ оберегать отъ вреднаго вліянія? Мы не гимназисты и не институтки, — недовольно отвѣтилъ П., который въ этихъ случаяхъ всегда ставилъ вопросъ ребромъ.

Всѣ съ нимъ согласились. Но толку изъ переговоровъ съ комендантомъ не вышло никакого.

— Просите объ этомъ ревизора: я ничего не могу сдѣлать своею властью, хотя готовъ бы выдавать вамъ журналы за текущій годъ, — отвѣтилъ комендантъ.

Рѣшили ждать.

Между тѣмъ своего матеріала накопилось много. Выпустили нѣсколько сборниковъ. А Вѣра Николаевна издала одинъ № журнала „Паутинка“. Но издательство шло довольно

туго и именно изъ-за программы „Паутинки“, которая задалась цѣлью объединить всѣ полемизирующіе элементы. На виньеткѣ перваго номера былъ даже такой рисунокъ: маленькій паучекъ заботливо ткетъ паутинку, въ которую запутались и мухи, и пчелы, и осы и т. д., словомъ насѣкомыя разныхъ семействъ и отрядовъ. Но бѣда въ томъ, что на рисункѣ-то всѣ они сидѣли спокойно, а въ дѣйствительности ужасно бились, барахтались и старались вырваться. . . Такъ и не удалось достигнуть желанной цѣли. На издателя „Паутинки“ нѣкоторые были даже особенно недовольны за то, что онъ нанесъ послѣдній ударъ прежнимъ журналамъ своимъ предложеніемъ строже относиться къ личнымъ нападкамъ и недопускать слишкомъ рѣзкихъ выраженій. Конечно, всѣ соглашались съ этимъ, но самолюбіе, которое въ неволѣ особенно развивается, не позволяло мириться съ „реформой“. И наши журналы совершенно прекратились.

На смѣну имъ явилось увлеченіе парниками и цвѣтоводствомъ.

Нѣсколько человѣкъ сдѣлали у себя въ огородахъ маленькіе парники, употребивъ вмѣсто

стеколъ промасленную бумагу. Несмотря на примитивность приспособленій, разсада удалась. Цвѣты, пересаженные на грядки, зацвѣли недѣли на двѣ на три ранѣе. Возникло соперничество, но соперничество самое невинное. Стали дѣлать ящики для ранней разсады, которую сѣяли съ февраля, держа въ камерѣ до того времени, пока можно высадить въ грядки. Всѣ камеры были наполнены ящиками, окна заставлены тоже ими. Разумѣется, чистота воздуха сильно пострадала отъ этого. Нашъ докторъ даже замѣтилъ, что слѣдовало бы убрать все это — дышать нельзя: подъ кроватью ящики съ сырой землей; на окнѣ, у калорифера тоже.

Такъ пусть намъ разрѣшатъ настоящіе парники, пусть дадутъ стеколъ, удобренія, — отвѣтили ему.

— Я думаю что это разрѣшатъ.

И, дѣйствительно, скоро дали стеколъ.

Въ мастерскихъ пошло горячее производство парниковыхъ рамъ, подрамниковъ, срубовъ.

Новый комендантъ, повидимому, очень былъ расположенъ къ такому нашему настроенію. Онъ выхлопоталъ разрѣшеніе обставить наши

кельи этажерками: должно быть, хотѣлъ придать имъ видъ меблированныхъ комнатъ. Сооруженіе этихъ этажерекъ было предоставлено намъ самимъ. Закипѣла работа. Одни точили колонки, другіе клеили щиты, третьи стругали ихъ, или собирали и лакировали. Но недовольство возникло изъ-за матеріала, который оказался плохъ.

— Купили какой-то дряни-лѣсу и ничего изъ него не выходитъ, — жаловались многіе, особенно неумѣющіе работать. — Надо самимъ заказывать матеріалъ и принимать его. А лучше всего забрать это дѣло въ свои руки.

Съ жандармами то и дѣло происходили изъза этого столкновенія. Наконецъ комендантъ согласился, чтобы мы сами составляли списки матеріаловъ, сами распредѣляли работы и хожденія въ мастерскія, сами записывались бы, съ кѣмъ и гдѣ кто желаетъ работать или гулять. Такимъ образомъ намъ представилась возможность хозяйничать.

Потребовались должностныя лица въ видѣ старосты и „променадмейстера“. Первый завѣдывалъ выпиской матеріаловъ, записывалъ въ мастерскія, распредѣлялъ работу; второй

только записывалъ на гулянье. Росписаніе для мастерскихъ выдавалось жандармамъ старостою, а для гулянья променадмейстеромъ. Обѣ должности сначала были выборныя; а потомъ для нихъ на нѣкоторое время установили очереди. Всякіе переговоры съ комендантомъ общаго характера поручались вести старостѣ. Подъ предлогомъ помогать неумѣющимъ работать стали настаивать, чтобы пускали вдвоемъ. Сначала получили отказъ, но потомъ добились. Даже душевно больныхъ стали пускать въ мастерскія съ кѣмъ-нибудь. Благодаря этому одинъ совершенно поправился.

Подвернулся плотничій заказъ — ограда для братской могилы погибшихъ при взятіи крѣпости, въ которой мы жили. За работу обѣщано было 50 руб., и эти деньги можно было употребить на покупку книгъ. Вотъ то горячая пошла работа! Многіе жертвовали прогулкой и уходили съ первой смѣны въ мастерскія, т. е. съ 10 ч. утра. Въ это время мы уже всѣ гуляли по двѣ смѣны, т. е. съ 8—8½ до 11¾ ч. Но насъ скоро охладили: изъ департамента пришло запрещеніе покупать книги на эти деньги и распоряженіе,

впредь не давать платныхъ работъ. На этотъ разъ допустили употребить заработокъ на покупку съѣдобнаго.

Странное царило настроеніе вверху въ то время. Вообще была замѣтна склонность къ „экономическимъ реформамъ“. Наши обѣды измѣнились совершенно. Каши изгнаны окончательно, чай и сахаръ стали давать на руки каждому, — по ½ ф. чаю и по 3 ф. сахару на мѣсяцъ. Увеличили нашъ домашній инвентарь, выдавъ каждому по два чайника. Стали выдавать горчицу, перецъ и уксусъ. Черный хлѣбъ по желанію могъ замѣняться бѣлымъ. Ужины стали разнообразнѣе, а праздничный обѣдъ въ три блюда. На стѣнахъ въ каждой камерѣ появились вмѣсто инструкцій — меню на каждыя двѣ недѣли! . . . Остроты по поводу этихъ реформъ сыпались со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые у насъ не могли ѣсть мяса, а одинъ даже чаю не пилъ; такъ въ виду этого разрѣшили замѣнить имъ мясныя блюда молочными, что повело къ недоразумѣніямъ съ жандармами. Тогда составленіе меню предоставили намъ. Появилась еще должность, самая непріятная — „менюмейстера“.

Но реформы не ограничились одной экономикой. Кому-то дали свѣдѣнія о родныхъ,— правда самыя скудныя. Но все же мы узнали, что можно хоть ихъ-то получать.

Когда комендантъ принесъ первый памятный листокъ, то его спросили, нельзя-ли и роднымъ сообщить, хоть въ томъ же размѣрѣ.

— Конечно можно!

— Но вѣдь мы не знаемъ, гдѣ проживаютъ наши родные?

— Это ничего не значитъ. Департаментъ разыщетъ, — успокаивалъ комендантъ.

Но послѣдняя фраза многихъ смутила и долго не позволяла рѣшиться писать роднымъ. Межъ тѣмъ памятные листки, получались все чаще. Вотъ образецъ одного изъ нихъ: „№ 31. Памятный Листокъ. 15-го января 1894 года. Прибывшая на короткое время въ СПБургъ и находящаяся нынѣ у брата Х. его мать, а также сестры поздравляютъ съ днемъ ангела, кланяются, благословляютъ и желаютъ здоровья“.

Часто эти справки не только не удовлетворяли, но прямо раздражали. Эта чрезвычайная краткость, это канцелярскій и деревянный

слогъ язвили родное чувство. Опять поднялся вопросъ о перепискѣ съ родными. И, какъ прежде, кончился неудачей.

Пріѣхалъ министръ Дурново и обошелъ всѣхъ. Его любезность доходила до приторности. Наобѣщалъ онъ цѣлыя горы: журналы, книги, переписку, увозъ душевно-больныхъ. Но ничего не сдѣлалъ.

Наша внутренняя жизнь однако все болѣе и болѣе усложнялась. Отношенія администраціи совершенно преобразились. Прежняя грубость отошла въ прошлое.

Кому-то пришла мысль развести табакъ (многіе страшно тосковали о табакѣ). Подъ латинскимъ названіемъ помѣстили въ спискѣ сѣмянъ и табакъ. Сѣмяна получились и были посѣяны. Взошло что-то въ родѣ табаку. За этими растеніями ухаживали точно за дѣтьми. Табаководы высушили листья, попробовали и нашли продуктъ своей культуры „отмѣнно хорошимъ“ (?). Но жандармы выразили желаніе прекратить это новое производство. Смотритель ходилъ, упрашивалъ, уговаривалъ оставить табаководство и куреніе въ особенности.

— По инструкціи этого не полагается. Мнѣ можетъ попасть, что я допустилъ, — робко объяснялъ онъ.

— Инструкція писана при Екатеринѣ. . . . Теперь уже не то!

— А если ревизоръ пріѣдетъ? Увидитъ, и тогда мнѣ достанется, — Ужъ вы дѣлайте какъ-нибудъ осторожно, — прибавилъ онъ.

Этотъ смотритель былъ невообразимо глупъ, но доносчикъ самый усердный: разъ даже донесъ на самого себя. Въ разговорѣ съ В. Ив. онъ случайно проговорился, — болтать онъ любилъ, — и сообщилъ что-то, теперь уже не помню, но о томъ, кажется, что дѣлается на волѣ, да и всего нѣсколько словъ. Потомъ забылъ. Въ слѣдующій же разъ В. Ив. вновь пожелалъ извлечь изъ него что нибудь въ томъ же родѣ и завелъ рѣчь о прошломъ сообщеніи.

— А вы откуда это знаете? — ехидно спрашиваетъ смотритель.

В. Ив. не отвѣтилъ ему, заговорившись о чемъ-то другомъ. Смотритель возьми да и накатай доносъ въ департаментъ. Оттуда пришелъ строжайшій выговоръ всѣмъ голубымъ.

Является смотритель, разсерженный, испуганный и по обычной глупости сообщаетъ о головомойкѣ. Ахаетъ и труситъ.

— Скажитѣ, пожалуйста, кто вамъ тогда объ этомъ сказалъ? — допытывается онъ, чтобы найти виновника и сорвать злобу.

— Да вы же мнѣ сами сообщили. Забыли? — отвѣчаетъ В. Ив. и поясняетъ подробностями.

— Ахъ я такой сякой! — въ отчаяніи хлопаетъ себя смотритель по большому, но, должно быть, совсѣмъ пустому лбу: а я-то думалъ, что докторъ вамъ сказалъ.

Съ докторомъ онъ не ладилъ. И оба они подсиживали другъ друга и иногда даже жаловались намъ одинъ на другого.

Табаководство стало процвѣтать. Удалось выписать различныхъ сѣмянъ. Несмотря на неподходящій климатъ, на частые дожди и т. п., табачные кусты поднялись такіе высокіе, что изъ-за нихъ голубые едва могли видѣть гуляющихъ. Грядки покрылись словно молодымъ лѣсомъ съ громадными листьями. Сажали табакъ и тѣ, которые не курили. Видъ могучаго растенія соблазнялъ всѣхъ и

какъ то радовалъ глаза. Во время цвѣтенія на вершинахъ появились большіе розовые цвѣты, въ видѣ колокольчиковъ.

Наступилъ сборъ листьевъ и приготовленіе табаку по настоящему, т. е. стали его томить, сложивъ въ громадныя папуши и обернувъ халатами. Затѣмъ сушка. Обѣ операціи производились, конечно, въ камерахъ. Воздухъ сдѣлался невыносимымъ, потому что томящійся табакъ издаетъ чрезвычайно непріятный запахъ. Нѣкоторые такъ разукрасили свои камеры листьями, развѣсивъ ихъ по ниткамъ вдоль стѣнъ и потолка, что ходить надо было согнувшись.

— Что вы дѣлаете? Вы отравляете себя!— возмущался докторъ; здѣсь невыносимо дышать.

— Ну, пусть намъ отведутъ помѣщеніе для этого, — отвѣчали ему.

— Это уже не мое дѣло. Но я совѣтовалъ бы убрать. Вы умрете въ этой атмосферѣ. У васъ ужъ и безъ того одного легкаго нѣтъ. При такихъ условіяхъ я не могу лѣчить. Отказываюсь, — доказывалъ онъ одному больному.

— Ваша обязанность, какъ врача, поговорить съ комендантомъ, чтобы намъ отвели въ старой тюрьмѣ свѣтлую комнату для табаку.

— Но я не могу быть ходатаемъ. Вотъ смотритель, пусть онъ передастъ коменданту, — уклонялся докторъ.

Дѣло дошло и до коменданта. Тотъ явился и какъ разъ въ камеру, гдѣ всего больше висѣло табаку. Кстати, едва только онъ вошелъ и поздоровался, какъ нитки оборвались, и мокрыя непріятно пахучія листья посыпались на него. Хозяинъ камеры смущенно засуетился и бросился поправлять бѣду, но только еще увеличилъ крушеніе, и остальныя связки посыпались со всѣхъ гвоздей. Коменданту осталось только убраться. Результатомъ была уступка намъ свѣтлой комнаты, но съ условіемъ, чтобы въ камерахъ не висѣло уже болѣе ни одного листа.

Повидимому, комендантъ не предвидѣлъ, куда поведетъ подобная уступка: иначе онъ никогда не согласился бы. Впослѣдствіи онъ не разъ выражалъ сожалѣніе. Пытался даже отнять у насъ право ходить въ свѣтлую комнату. Но неудалось. Всѣ крѣпко держались

за пріобрѣтенныя новыя права, а тѣмъ болѣе свѣтлую комнату, гдѣ представлялась возможность иногда собираться по шести, побесѣдовать вмѣстѣ или составить хоръ. Пѣли хотя и не съ полнымъ совершенствомъ, но всегда съ большимъ чувствомъ. Даже голубые слушали съ удовольствіемъ, что, впрочемъ, ни мало не удерживало ихъ отъ доносовъ. Стали запрещать скопляться по три-четыре человѣка, но предлоги всегда находились нарушать это распоряженіе. Рядомъ со свѣтлой комнатой находилась и кухня, гдѣ разогрѣвался клей, сушился лѣсъ и т. д. Въ началѣ открытія работъ все дѣлали жандармы: разогрѣвали клей, сушили лѣсъ, передавали инструменты. Но такъ какъ они все дѣлали небрежно, неумѣло и возбуждали неудовольствіе, то стали выпускать насъ самихъ на кухню, сначала только по одиночкѣ и на короткое время, затѣмъ и по двое. Разумѣется, тамъ сталкивались табаководы со столярами и „парникистами“. Послѣдніе больше всѣхъ содѣйствовали расширенію нашей свободы. Ихъ производство процвѣтало: они снабжали ранней разсадой не только насъ, но и администрацію, которая, заразившись отъ насъ цвѣтоводствомъ, стара-

лась развести и на своемъ дворѣ цвѣтники. Голубые удивлялись нашему огородничеству.

— И въ городѣ еще нѣтъ редиски и огурцовъ, а у васъ все уже поспѣло, — говорили они.

— И еще раньше бы поспѣвало, если бы намъ отдали подъ парники старый дворъ, понизили бы заборъ, да выпускали свободнѣе на дворъ къ парникамъ. А то свѣту мало, почти все время парники закрыты щитами,— отвѣчали имъ самые энергичные парникисты.

— Да, о растеніяхъ мы заботимся болѣе, чѣмъ о себѣ: вотъ до сихъ поръ у насъ стекла матовыя. Пора бы ихъ перемѣнить на прозрачныя, — возражали индифферентные огородники.

О замѣнѣ матовыхъ стеколъ свѣтлыми давно уже было сдѣлано заявленіе: получили отказъ и замолкли. Но начальство само по видимому вспомнило, да и докторъ дѣлалъ представленія о недостаточности свѣта, чѣмъ отчасти объяснялъ душевное разстройство нѣкоторыхъ больныхъ. И намъ скоро вставили свѣтлыя стекла. Сколько свѣту прибавилось! Какъ

повеселѣли камеры! Что-то праздничное освѣтило ихъ. Ночью видны звѣзды, луна. . .

— Какія это звѣзды? Какое созвѣздіе?. . . И вотъ понадобились карты звѣзднаго неба. И онѣ появились почти въ каждой камерѣ. Нашъ астрономъ Н. Морозовъ снабдилъ ими.

Чудь бывало стемнѣетъ, нѣсколько человѣкъ лѣзутъ на окно и сообщаютъ сосѣдямъ, какія звѣзды видны. Но на южной сторонѣ наблюденія дѣлались и при свѣтѣ солнца, — не надъ звѣздами, конечно, а надъ обитателями жандармскаго двора. Изъ нѣкоторыхъ оконъ были видны всѣ внутреннія зданія, церковь, братская могила, полисадники. Въ праздничное время, особенно лѣтомъ или на Пасхѣ, этотъ дворъ оживлялся публикой, разумѣется, казенной. Бѣгали ребятишки, родившіеся и выросшіе при насъ. Солдаты или играли въ лапту, или распѣвали пѣсни, а жены сторожей нашихъ, разодѣтыя, расфранченныя, важно возсѣдали на скамеечкахъ возлѣ казармъ. Странно, что и у нихъ выправка солдатская: когда проходилъ мимо кто-нибудь изъ высшихъ чиновъ, онѣ, какъ по командѣ, вставали и вытягивались въ струнку. По вечерамъ дѣти распѣвали пѣсни, которымъ научила ихъ одна

докторша. А изъ офицерскихъ квартиръ слышались звуки рояли. Все это будило, тревожило воспоминанія давно минувшаго прошлаго, разжигало фантазію и волновало.

На сѣверной же сторонѣ окна выходили на озеро, но послѣдняго видѣть нельзя было: оно заслонено высокой стѣной, по которой вѣчно бродятъ часовые съ ружьями. У многихъ сидящихъ на сѣверной сторонѣ („сѣверянъ"), конечно, являлось желаніе переселиться на югъ, посмотрѣть, какъ живутъ у антиподовъ, за нашимъ дворомъ. Но всѣмъ помѣститься на югѣ нѣтъ возможности, а мѣняться мѣстами слишкомъ непріятно.

Этотъ періодъ у насъ былъ періодомъ увлеченія работами, цвѣтоводствомъ и садоводствомъ. Хотя на все это отпускалась весьма небольшая сумма (25 рублей въ мѣсяцъ), но мы какъ то ухитрились обходиться ею, несмотря на то, что всѣ покупки дѣлались голубыми и по дорогой цѣнѣ. Наши дамы нисколько не отставали отъ насъ даже въ столярной работѣ. На нашемъ островѣ затѣяли школу для дѣтей жандармовъ. Сдѣлать обстановку предложили намъ. Дѣло, разумѣется, не обошлось безъ споровъ — брать-ли такіе

заказы. Нѣкоторые сначала были противъ, говоря, что способствовать развитію будущихъ сторожей, гонителей свободы мысли — не наше дѣло. Но большинство высказалось за, и заказъ былъ взятъ. Работа закипѣла. Дѣлали парты, скамьи, столы, пюпитры, доски. Подходить къ форткамъ стало свободнѣе и не только по дѣламъ работы, но и вообще поговорить. Сначала это допускалось по одиночкѣ; а потомъ, когда парники приняли большіе размѣры, когда къ нимъ то и дѣло надо было выпускать огородниковъ, послѣдніе также мимоходомъ останавливались у дамъ, такъ что здѣсь иногда скоплялось человѣка по три. Голубые нетерпѣливо упрашивали разойтись, но ихъ не особенно слушались. Мало по-малу эта вольность пріобрѣтала гражданство и расширялась.

Дамы тоже пожелали заняться парниками, такъ какъ это занятіе давало возможность дольше быть на вольномъ воздухѣ и въ коридорѣ. Парники же у насъ въ это время сдѣлались настоящими съ прозрачными стеклами, и въ нихъ все отлично произростало. Выращивали дыни и даже арбузы, что крайне удивляло нашихъ голубыхъ.

Но вотъ наступило лѣто, и пошла въ ходъ ботаника, собираніе гербаріевъ, разведеніе новыхъ растеній. Несмотря на ограниченное пространство нашихъ владѣній, флора оказалась довольно разнообразной. Кромѣ того ее можно было пополнять, попросивъ голубыхъ принести изъ лѣсу какъ можно болѣе разныхъ травъ, мховъ и цвѣтовъ. Благородныя же растенія выводили сами изъ сѣмянъ, купленныхъ въ Петербургѣ. Въ этомъ отношеніи никакихъ стѣсненій не было; по нашимъ спискамъ покупали довольно дорогіе кустарники: какъ-то розы, азаліи, и т. д. Конечно, за каждымъ растеньицемъ ухаживали, какъ за любимымъ дѣтищемъ. Но, увы! у нашихъ любимцевъ появились отчаянные враги, — слизняки, которыхъ развились миріады. Никакія средства не помогали. Сколько огорченій, когда, бывало, придешь послѣ дождя въ огородъ и увидишь изъѣденные въ рѣшето листочки!

Наши умственныя занятія прерывались чаще всего нервнымъ возбужденіемъ: трое душевно больныхъ товарищей черезчуръ тяжело вліяли на насъ. Вѣроятно, благодаря этому обстоя-

тельству мы такъ легко достигли различныхъ льготъ.

Когда заболѣлъ психически еще одинъ, то даже такой грубый, мало развитый человѣкъ, какъ нашъ докторъ, котораго мы прозвали Собакевичемъ, и тотъ выпалилъ фразу: „да необходимо разрядить атмосферу“. Можетъ быть, онъ и не сказалъ бы этого, если бы больные были болѣе спокойны. Но они и начальству иногда устраивали такіе концерты, что терпѣнія не хватало. А здоровые? Въ своихъ вспышкахъ, разпраженіяхъ они мало отличались отъ больныхъ. За исключеніемъ двухъ или трехъ товарищей, всѣ время отъ времени разряжали свои нервы на жандармахъ, которые долго не могли понять, какимъ образомъ дюди выходятъ изъ себя по самымъ ничтожнымъ мотивамъ и производятъ шумъ, крикъ, какъ будто имъ причинили глубокое оксорбленіе или боль. Хорошо, что открылась возможность „разряжать“ инымъ способомъ, болѣе здоровымъ, невиннымъ.

Такъ, напр., однажды голубые „представили“ Вѣрѣ Николаевнѣ маленькую ласточку птенчика, выпавшаго изъ гнѣзда. В. Н. заботливо воспитала маленькое существо, которое такъ

привязалось къ ней, что у воспитательницы явилась надежда оставить питомицу у себя навсегда. Но порывы къ измѣнѣ у ласточки стали замѣчаться, какъ только выросли крылья. Несетъ разъ В. Н. ее на гулянье въ гнѣздышкѣ, вдругъ измѣнница расправила крылышки, взвилась и потонула въ синевѣ неба.

— Ахъ! вскрикнула В. Н.: жандармы, словите! — прибавила она.

Голубой растопырилъ руки, да напрасно. Цѣлый день ходила В. Н. опечаленной. И кто бы могъ предполагать, что при такой привязанности, какую питала измѣнница къ своей воспитательницѣ, дѣло могло кончиться вѣроломствомъ? Птичка нигдѣ не покидала своей хозяйки: на гуляньѣ бѣгала за ней, въ кельѣ сидѣла всегда на столѣ и слѣдила за каждымъ движеніемъ ея. А кормъ! Гдѣ она такой добудетъ? Мухи, яйца, мясо. . .

Вскорѣ сама природа снабдила насъ множествомъ такихъ пичугъ. Какъ то ночью разразилась страшная буря, сорвала цѣлую крышу съ казармъ и сбросила ее въ озеро, разрушила трубы, истрепала деревья и такъ обвалила штукатурку со старой стѣны, что всѣ гнѣзда ласточекъ со всѣмъ ихъ населе-

ніемъ сбила на землю. Потерпѣвшія крушеніе были, разумѣется, подобраны и воспитаны. Во многихъ кельяхъ раздавался пискъ по цѣлымъ днямъ. Интересно наблюдать нравы этихъ птичекъ. Онѣ чрезвычайно быстро привыкаютъ къ человѣку, относятся къ нему, какъ къ своимъ родителямъ, требуя корму, вниманія. Ихъ опрятности могутъ позавидовать дѣти, а общительность ихъ прямо поразительна: чуть только оставите ихъ однѣхъ, онѣ поднимаютъ такой крикъ, что приходится перемѣстить ихъ къ себѣ поближе. Тогда онѣ сразу успокаиваются, иногда впрочемъ дерутся изъ за того, кому сѣсть на руку. Счастливица, первая водворившаяся на рукѣ, потомъ никого не хочетъ пустить изъ своихъ сестрицъ: шипитъ, кусается, а попробуйте ее усмирить, начинаетъ клевать васъ. Смѣлая, граціозная птаха! Но приручить не удалось ни одну изъ нихъ. Любопытно было наблюдать, какъ они прогоняли хищниковъ съ нашего двора. Чуть только появится послѣдній, онѣ съ особеннымъ крикомъ и дерзостью набрасываются на него и вынуждаютъ удалиться. Между тѣмъ какъ голуби, воробьи прячутся, куда попало.

Впослѣдствіи пернатыя тоже попали въ нашу зоологическую, правда, весьма бѣдную колекцію, въ видѣ чучелъ.

У насъ, здоровыхъ психически, жизнь такъ или иначе разнообразилась; но не то было съ душевно больными: для нихъ какъ-бы все вставалось безъ измѣненій. Они жили исключительно своимъ внутреннимъ міромъ; наше посѣщеніе душевно больныхъ доставляло имъ немного развлеченій и удовольствій. . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Одно время пронесся слухъ о манифестѣ. Откуда-то и какимъ-то образомъ смотритель узналъ, что къ намъ его примѣнятъ въ самомъ широкомъ смыслѣ.

— Скоро васъ совсѣмъ увезутъ отсюда, — тревожно сообщаетъ онъ Похитонову и Оржиху.

— Куда? Почему?

— Манифесть, манифестъ! Въ Петербургѣ выпустятъ, — послѣднюю фразу онъ прибавляетъ какъ бы для большей убѣдительности (онъ отлично замѣчалъ, что ему вообще мало вѣрятъ и считаютъ вралемъ). Больной Похитоновъ и Оржихъ спѣшатъ сообщить новость

товарищамъ. Всѣ въ недоумѣніи: трудно повѣрить такому лгуну, какъ смотритель; но съ какой стати онъ будетъ выдумывать такія вещи? Что нибудь есть. А какъ повѣсили носы жандармы! . . . О чемъ они говорятъ? — Куда-то насъ переведутъ? Придется искать мѣста? — шепчутся они довольно громко, съ какой-то злобой посматривая на насъ. Только и разговору у нихъ о томъ, куда дѣться, какъ насъ развезутъ. Они буквально ходили, какъ опущенные въ воду. Потерять такія теплыя мѣста, гдѣ, ничего не дѣлая, они получаютъ по 35—45 рубл. жалованья въ мѣсяцъ съ готовой квартирой, мундиромъ и плюсъ еще ежегодныя награды, да впереди пожизненная пенсія — перспектива неутѣшительная! Къ намъ они за это время относились съ какой-то озлобленностью.

Очень немногіе вѣрили въ опасенія голубыхъ, тѣмъ не менѣе все-таки предполагали, что что-то будетъ. Пошли догадки, толки, а за ними и фантазированіе, правда, невольное. И кому же не хотѣлось выбраться на свѣтъ божій изъ этого живого склепа? . . .

Черезъ нѣсколько дней кто-то изъ самихъ же жандармовъ донесъ въ департаментъ о

толкахъ по поводу манифеста. И оттуда пришла головомойка нашей администраціи. Въ головомойкѣ стояла будто такая фраза, что департаментъ самъ знаетъ, какъ поступать и когда надо сдѣлать объ этомъ распоряженіе; а пока требуетъ прекратить всякіе разговоры съ нами объ этомъ. Такъ впослѣдствіи говорилъ смотритель, перетрусившій до безконечности.

— Я не долженъ былъ говорить вамъ объ этомъ! Намъ нагоняй пришелъ. Теперь ой-ой достанется! . . . — говорилъ онъ, по обычаю показывая на затылокъ.

И все пошло обычной колеей. Проходили недѣли, мѣсяцы — никакихъ и намековъ не было на то, о чемъ говорилъ комендантъ, и вскорѣ даже стали забывать объ обѣщанныхъ льготахъ. Голубые развеселились; это намъ показывало, что ничего особеннаго не случится, и ждать нечего.

Но какъ тяжело отразилось разочарованіе на Похитоновѣ! Послѣ этого болѣзнь его стала страшно прогрессировать и принимать буйную форму. Не проходило дня, чтобы не было столкновеній съ жандармами или съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей. Онъ тоже пи-

салъ безчисленные проекты, дѣлалъ письменныя распоряженія и почти пересталъ понимать другихъ. То истерически рыдалъ, то смѣялся безъ всякаго повода. Нашъ склепъ еще болѣе принялъ характеръ „Бэдлама“. Снова поднялся вопросъ требовать, чтобы больныхъ увезли. Но какъ требовать? Отвѣтъ на это только одинъ: мы безсильны! Мѣстная администрація ничего не въ состояніи сдѣлать; а выше, тамъ, вѣдь, не скоро все дѣлается и крайне неохотно. Но когда наши больные стали давать о себѣ знать жандармамъ, причиняя имъ массу хлопотъ и безпокойствъ, то и они стали жаловаться въ департаментъ на тягость службы.

Какъ-бы въ утѣшеніе или для успокоенія намъ выслали книгъ. И какія же книги? По списку, составленному больнымъ Похитоновымъ! . . . Книги дорогія, но никому не нужныя: баллистика, высшая механика и т. д. Выходитъ, что тамъ „выше“ смотрятъ на всѣхъ насъ какъ на рехнувшихся, или больныхъ считаютъ здоровыми. Рѣшили переговорить съ комендантомъ объ этихъ ненужныхъ книгахъ. Но скоро явился самъ директоръ департамента Зволянскій. Онъ очень

весело обошелъ всѣхъ, любезничалъ, болталъ, соглашался съ нашими указаніями на невозможность дальнѣйшаго присутствія больныхъ въ склепѣ. Но все это слова, слова и притворная любезность.

Заходитъ къ одной изъ нашихъ дамъ (В. Н.) и весело раскланивается.

— Здравствуйте! Какъ здоровье ваше? Я знаю вашего брата, — трещитъ Зволянскій. — Не имѣете-ли какихъ заявленій?

— Я бы желала чтобы больныхъ увезли въ лечебницу. . . . Да книги получать по спискамъ не сумасшедшихъ людей, а здоровыхъ, — строго говоритъ В. Н.

— Какія же вы книги желаете? Что было прислано?

— Баллистика, которая стоитъ большихъ денегъ и никому не нужна.

— А вы теперь уже не занимаетесь баллистикой? — плоско острить Зволянскій?

— Объ этомъ я съ вами не говорю. Пожалуйста, оставьте неумѣстныя остроты, — обрываетъ его В. Н.

— Какія же вы желаете книги? Запишите, обращается Зволянскій къ своему адъютанту и вновь пускается разговаривать о братьяхъ.

У Лаговскаго онъ зондируетъ душу.

— Скоро вашъ срокъ кончится. Какъ вы себя чувствуете? Какъ ваше нравственное состояніе? Убѣжденія, взгляды теперь вы навѣрно измѣнили, убѣдились въ ошибочности... и т. д., — допрашиваетъ онъ Лаговскаго.

Послѣдній пропускаетъ мимо ушей всѣ эти вопросы. Послѣ десяти лѣтъ задавать такіе вопросы и глупо, и дико. Но у насъ все-таки воскресла надежда, что Лаговскаго увезутъ: вѣдь тамъ вверху все перемѣнилось, т. е. люди другіе. Едва-ли Лаговскій пережилъ бы второй ударъ. Онъ послѣднее время страшно измѣнился, сталъ нелюдимъ и черезчуръ раздражителенъ.

5-го или 6-го ноября 1895 года за нимъ явились жандармы, и онъ исчезъ.

— Гдѣ онъ теперь? Какъ себя чувствуетъ? Вотъ, небось, ожилъ! — разсуждали мы.

— Значитъ, и Манучарова увезутъ непремѣнно. Сколько тебѣ, Манучаровъ, осталось? — спросилъ Б.

— Я не желаю уѣзжать. . . . Я останусь. Подамъ заявленіе, — протестуетъ Манучаровъ.

— Полно вздоръ говорить.

— Вздоръ, вздоръ! Я докажу, что это не вздоръ, — горячился Манучаровъ.

Манучаровъ не сдается. Онъ всецѣло поглощенъ своимъ планомъ. Чѣмъ больше его отговариваютъ, тѣмъ настойчивѣе онъ становится. Пишетъ бумагу, заявленіе. Даетъ намъ прочесть. Форма оказывается самая невозможная.

— Слушай, такое заявленіе не примутъ и комендантъ не имѣетъ права послать его. Вѣдь ты прямо оскорбляешь ихъ. Разъ ты рѣшилъ, не желаешь уговоровъ товарищей, такъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлай какъ слѣдуетъ.

— Вы всѣ не понимаете меня или не хотите понять, — возражалъ Манучаровъ.

— А ты зачѣмъ даешь намъ читать? Зачѣмъ обращаешься къ намъ, разъ рѣшилъ не слушать голоса товарищей?

Въ такомъ духѣ высказывались всѣ. Но Манучаровъ ни одного слова не измѣнилъ въ своей бумагѣ. Такъ и подалъ. Ей, конечно, ходу не дали. А въ срокъ явились жандармы и увели Манучарова. Онъ успѣлъ только прокричать, что его увозятъ на Сахалинъ. Его увезли какъ-то неожиданно; и это насъ сильно огорошило. Всѣмъ хотѣлось про-

ститься съ товарищемъ, съ которымъ прожили десять лѣтъ и котораго, можетъ быть, больше уже не увидимъ. Точно его украли — такое впечатлѣніе осталось у насъ. Впрочемъ, настроеніе всѣхъ улучшилось: теперь хоть есть надежда, что срочныхъ увезутъ; черезъ два года еще двоимъ срокъ, а тамъ еще. . . . Правда, перспектива Сахалина, не особенно улыбалась, но все же тамъ свободнѣе. . . . Можетъ быть, сношенія съ живымъ міромъ возможны. Хоть поздно, но будешь знать, что дѣлается на свѣтѣ. Иногда мы опасались за Манучарова: его могутъ засадить въ другой какой-либо склепъ за поданное имъ заявленіе. Но узнать, что съ нимъ, намъ, конечно, не удалось.

Незадолго до увоза Манучарова у насъ ввели электрическое освѣщеніе. Почти все лѣто работали рабочіе изъ Петербурга, но ни одного изъ нихъ намъ видѣть не удалось: ихъ всегда уводили, когда кто-либо изъ насъ шелъ по корридору.

Наше начальство сіяло отъ цивилизованнаго нововведенія: оно съ особеннымъ усердіемъ доказывало преимущество электриче-

скаго освѣщенія передъ керосиновымъ, повидимому, не подозрѣвая, что все это — золоченіе клѣтки.

На время отлучился смотритель. Его мѣсто занялъ другой, молоденькій франтикъ. Этого пришлось изгнать.

Какъ-то ночью, когда многіе закрыли свои лампочки книгами-абажурами, чтобы яркій свѣтъ не мѣшалъ спать, онъ вдругъ появляется, отпираетъ двери и приказываетъ голубымъ устранить импровизированные экраны.

— Я все равно вновь закрою, — протестуетъ одинъ.

— Какъ вы смѣете врываться въ мою камеру? — вскрикиваетъ Л. и гонитъ вонъ жандарма и новаго смотрителя.

— При такомъ освѣщеніи дежурный ничего не видитъ. Огонь гасить на ночь нельзя.

— Уходите вонъ!

Онъ удаляется. На слѣдующій день заявляютъ коменданту о поступкѣ франтика.

— Онъ неопытенъ. Не придавайте значенія его поступку, — оправдываетъ комендантъ своего подчиненнаго.

— Нѣтъ, вы его уберите, если желаете избѣжать непріятностей. Слѣдующій разъ ему безнаказанно не пройдетъ подобная выходка.

— Напрасно вы волнуетесь, — успокаиваетъ комендантъ и всетаки убираетъ франта.

Послѣдній, однако, все-же счелъ долгомъ явиться и извиниться передъ Л. Назначили „вѣжливаго болтуна“. Но тотчасъ-же кто-то изъ служащихъ настрочилъ на него доносъ. Это право было предоставлено каждому жандарму, говорятъ даже, помимо своего начальства.

И вотъ вдругъ, совершенно неожиданно какъ для насъ, такъ и для нашего начальства, является ревизоръ и производитъ обыскъ. Многое застигнуто врасплохъ и конфисковано, въ томъ числѣ и книги. Перерыта библіотека, пересмотрѣнъ каталогъ ея. У насъ отняли завѣдываніе библіотекой, а офицера удалили. Коменданту сдѣлали выговоръ; словомъ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Глупый смотритель такъ перетрусилъ, что подалъ просьбу объ отставкѣ, боясь потерять пенсію, при чемъ главнымъ мотивомъ выставлялъ разстройство умственныхъ способностей, какъ будто онѣ

у него когда-нибудь были. Его просьба была уважена. Вмѣсто него назначили новаго.

Отношеніе коменданта сильно измѣнилось: онъ уже не являлся самъ, а всегда ждалъ, пока его позовутъ.

Начались стѣсненія: начальство вздумало отнять у насъ всѣ льготы въ мастерской, даже приказало запирать фортки; въ корридоръ же разрѣшило выпускать никакъ не болѣе одного. Осуществленіе этой реакціи повелось втихомолку. Являемся въ мастерскія, — двери за нами захлопываются, фортки тоже. — Что это значитъ? — Такъ приказано, — отвѣчаетъ жандармъ, — я ничего не знаю.— Обычная отговорка.

— Надо домой идти, нельзя допускать подобныхъ штукъ, — говорили мы между собою. Но въ это же время въ корридорѣ уже шелъ крупный разговоръ Лаговскаго съ жандармами.

— Я не пойду въ мастерскую, пока не откроютъ фортки, говорилъ Лаговскій.

Раздается стукъ изъ другихъ дверей. . . . И въ корридорѣ вновь нѣсколько человѣкъ. Требуютъ смотрителя.

— Господа, войдите въ мастерскія, сейчасъ придетъ смотритель, — упрашиваетъ жандармъ, — мнѣ не приказано.

— Мало-ли что не прикажутъ. А вотъ пусть явится смотритель.

Вѣстовой, посланный за послѣднимъ, конечно, передалъ ему все въ грандіозныхъ размѣрахъ. Новичекъ-смотритель не успѣлъ еще освоиться, растерялся.

— Это что такое за нововведеніе? — напустился на него Лаговскій, — у насъ фортки всегда были открыты.

— Мы не уйдемъ изъ корридора, пока вы не отмѣните своихъ распоряженій, — говорятъ другіе.

— Я не могу, такъ приказано. Вѣдь это не мое распоряженіе, какъ я могу отмѣнить его? — отвѣчаетъ смотритель.

— Въ такомъ случаѣ мы останемся здѣсь.

— Вы, господа, сами виноваты: не держитесь границъ, стараетесь идти все далѣе и далѣе. Вамъ разрѣшено выходить въ корридоръ не болѣе двухъ человѣкъ, а вы собираетесь по три, по четыре. За это намъ дѣлаютъ выговоры. . . . Хорошо, я прикажу

отпереть фортки, но прошу васъ не злоупотреблять. . . .

Тѣмъ и кончилась вся исторія съ фортками. О корридорѣ же вопросъ остался нерѣшеннымъ: въ корридоръ перестали впускать даже по двое. Между тѣмъ въ мастерскихъ при такихъ условіяхъ работать трудно: отпилить-ли лѣсу надо, или выйти парники открыть, одному не справиться. Правда, при нѣкоторомъ усиліи иногда удавалось добиться своего, что указывало на возможность возвратить отнятую позицію. Смотритель каждый день являлся къ нашему старостѣ съ жалобой на нарушителей.

— Зачѣмъ же вы вынуждаете насъ къ этому? — отвѣчалъ ему староста: перестаньте смотрѣть на насъ, какъ на автоматовъ, которые должны исполнять всѣ ваши распоряженія. Мы, живые люди, не можемъ съ этимъ мириться. Насъ раздражаютъ всѣ ваши притѣсненія.

— Относитесь спокойнѣе. Вся бѣда въ томъ, что вы не можете себя сдерживать, оскорбляете моихъ подчиненныхъ, а они постоянно жалуются, — возражаетъ смотритель.

— Только въ жалобахъ и выражается ихъ понятіе объ усердной службѣ: имъ дѣлать больше нечего. И вы сдѣлаете лучше, если перестанете принимать ихъ жалобы и обращать на нихъ вниманіе. Если отношенія эти продолжатся, то вамъ придется имѣть дѣло не съ однимъ мною, но со всѣми. . . . Брать на себя такую роль, какъ моя, согласитесь, весьма непріятно при подобныхъ условіяхъ, — поясняетъ староста, положеніе котораго, дѣйствительно, отвратительное.

Ему постоянно приходится имѣть дѣло съ жандармами, вести разговоры, а это болѣе чѣмъ непріятно, выслушивать жалобы на товарищей, оправдывать послѣднихъ, писать отчеты, выпускать „плакаты“ по разнымъ вопросамъ, собирать голоса, получать выговоры, замѣчанія отъ товарищей и пр., и пр. Въ концѣ концовъ дошло до того, что всѣ стали отказываться служить старостами. Пришлось прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ и ввести въ нашу конституцію параграфъ объ обязательности службы для всякаго выбраннаго, который передъ тѣмъ не служилъ. Безъ этого навѣрное наступила бы анархія или междуцарствіе.

Начальство такъ привыкло (еще бы: имѣть дѣло съ однимъ или со всѣми не одно и тоже!) къ нашимъ должностнымъ лицамъ, хотя они часто смѣнялись, что боялось междуцарствія и старалось во всѣхъ случаяхъ, даже не имѣвшихъ общественнаго характера, вести дѣло черезъ выборныхъ.

Угроза старосты оказала свое дѣйствіе: смотритель уступилъ, согласившись, чтобы въ корридоръ выпускали двоихъ и одного къ парникамъ.

Староста изложилъ результатъ своихъ переговоровъ на бумагѣ и пустилъ въ публику. Послѣдняя, правда, не вся, отнеслась не особенно одобрительно.

Меньшинство заступалось за старосту: все, что могъ, онъ сдѣлалъ; мало-по-малу мы возвратили старое; не надо раздувать исторіи.

Но исторія возникла сама собою.

Разъ, только что успѣли пообѣдать и приняться за работу, появляется въ корридорѣ Морозовъ, блѣдный, взолнованный, съ горящими глазами.

— Господа, тамъ бьютъ Похитонова! — кричитъ онъ.

— Кто? За что? — испуганно спрашиваютъ его находящіеся въ корридорѣ.

— Отоприте двери! — раздаются голоса въ фортки.

Жандармы какъ-то невольно отпираютъ одну, другую дверь, и въ корридоръ выскакиваетъ нѣсколько человѣкъ.

— Кого? Кто бьетъ?

— Похитонова бьютъ жандармы, — отвѣчаетъ Морозовъ.

— Ну, что вы выдумываете, — оскорбленно вмѣшивается одинъ изъ жандармовъ: кто станетъ трогать больного человѣка. Это онъ насъ бьетъ.

— Я самъ слышалъ суматоху въ его камерѣ. Звалъ смотрителя, мнѣ не привели, — безсвязно поясняетъ Морозовъ.

— Это что же такое? больныхъ бить! Мы съумѣемъ на это отвѣтить. . . Мы не должны терпѣть! — волнуются всѣ.

Жандармы тихонько послали за смотрителемъ.

— Пойдемте въ камеры! — предложилъ кто то.

— Я не пущу, — загородивъ дорогу, сказалъ голубой.

— Какъ ты смѣешь! Прочь!

— Не пущу, не пущу! Звони въ колокольчикъ! — крикнулъ равгорячившійся жандармъ.

— Это что за дерзость? Значитъ, тамъ дѣйствительно бьютъ.

— Домой, домой! — раздаются голоса.

— Никого не пустимъ! — отвѣчаютъ жандармы.

Одинъ изъ нихъ дергаетъ колокольчикъ — и въ мигъ у дверей появляется двѣнадцать солдатъ со штыками на готовѣ. Видя въ корридорѣ множество людей и слыша шумъ, крикъ жандармовъ, солдаты быстро, было, вскочили въ корридоръ, и свалки бы не миновать.

— Стой! — вдругъ вскрикнулъ опомнившійся жандармъ, который далъ тревожный звонокъ и самъ же поблѣднѣлъ какъ полотно.

Солдаты остановились.

— Мерзавецъ! — крикнулъ одинъ изъ товарищей, тогда какъ другіе бросились къ стоявшимъ круглякамъ, чтобы имѣть, чѣмъ защищаться.

На минуту все стихло: жандармы стоятъ у дверей; за ними сверкаютъ штыки . . . Сол-

даты, молча, ждутъ. Наши тоже молчатъ, но кругляки оставили.

Является смотритель и удивляется: солдаты со штыками наготовѣ; выстроившееся стѣной у двери жандармы; всѣ мастерскія отперты; въ корридорѣ цѣлая толпа. Этотъ видъ даже испугалъ его.

— Что такое? — спрашиваетъ онъ. — Что случилось? Зачѣмъ вызваны солдаты?

— Ваше высокоблагородіе! — рапортуетъ жандармъ.

— Сдерживайте вашихъ подчиненныхъ, — перебиваетъ его И.

— Едва цѣлая свалка не произошла, — прибавляли другіе.

— Я хотѣлъ домой идти, меня не пускаютъ и дерзости позволяютъ себѣ, — продолжалъ И.

— Тамъ бьютъ Похитонова.

— Кто это сказалъ? Я сейчасъ былъ у него съ докторомъ, — перебиваетъ смотритель.

— Но почему же вы ко мнѣ не явились, когда я васъ звалъ? Я, вѣдь, рядомъ сижу. Я слышалъ неистовый крикъ Похитонова и

страшную возню въ его камерѣ, — спрашиваетъ Морозовъ.

— Это вамъ показалось. Вмѣсто того, чтобы подождать, узнать въ чемъ дѣло, вы побѣжали и взволновали совсѣмъ напрасно товарищей. Я не могъ сію же минуту явиться къ вамъ, я былъ у 15-го, — оправдывался смотритель. — Вы все смотрите на моихъ подчиненныхъ, какъ на звѣрей. Они люди.

— Но они на все способны. Примѣры бывали, — замѣчаетъ П.

— Зачѣмъ такъ? — вмѣшивается одинъ изъ голубыхъ, затронутый фразой.

И это одинъ изъ тѣхъ, которые въ прежнее суровое время дѣлали, дѣйствительно, всевозможныя мерзости. Его останавливаетъ П.

— Замолчите!

— Успокойтесь, зачѣмъ вы горячитесь, только себя волнуете, — успокаиваетъ смотритель, — можете сейчасъ же сходить къ Похитонову и убѣдиться, что ему ничего не сдѣлали. Его придется перевести отсюда, отдѣлить. Иначе онъ только будетъ безпокоить васъ.

— Но мы не полагаемся на вашихъ подчиненныхъ. Какъ больного, они могутъ его оскорблять, обижать.

— Мы желаемъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, чтобы здѣсь кто-нибудь изъ нашихъ дежурилъ при немъ, — говоритъ В. Н. въ фортку.

— Иначе мы не допустимъ переводъ его, — добавляютъ другіе.

— Хорошо, я переговорю съ комендантомъ и съ докторомъ, — соглашается смотритель.

Когда все улеглось и разузнали, то оказалось, что Морозовъ, дѣйствительно, „умозаключилъ“ слишкомъ поспѣшно и чуть чуть не устроилъ кровавой свалки. Произошла просто суматоха въ камерѣ Похитонова, когда къ нему вошли жандармы и стали что-то брать. Онъ поднялъ крикъ, его начали успокаивать — и, кажется, какому-то голубому попала затрещина. Впослѣдствіи онъ даже ударилъ одного изъ жандармовъ по головѣ мѣдной миской такъ, что помялъ ее. Но я долженъ оговориться, что, не будучи очевидцами подобныхъ сценъ, трудно узнать истину, особенно, относительно душевнобольныхъ.

Признаковъ отъ побоевъ у Похитонова, во всякомъ случаѣ, не оказалось, и самъ онъ не жаловался.

Виновника-„умозаключителя“ въ наказаніе за возбужденіе товарищей лишили мастерскихъ на мѣсяцъ. Другого за слово „мерзавецъ“ тоже на мѣсяцъ безъ работы.

Нѣтъ худа безъ добра. Этотъ инцидентъ далъ намъ право контролировать обращеніе жандармовъ съ больными.

Когда Похитонова перевели въ старое зданіе, то начальство согласилось на всѣ наши требованія: допустило постоянное пребываніе тамъ-же одного изъ товарищей, а главное, чтобы голубые не могли безъ послѣдняго входить къ Похитонову. Во всякое время мы заходили къ Похитонову и сидѣли съ нимъ, пока хватитъ силъ или пока самому ему не надоѣстъ. Такимъ образомъ устранялись „умозаключенія“ и грубость голубыхъ.

Болѣзнь Похитонова прогрессировала между тѣмъ съ невѣроятной быстротой. Втеченіе мѣсяца онъ преобразился въ нечеловѣка: ничего не понималъ, никого не слушалъ и плохо

называлъ себя. По временамъ имъ овладѣвали порывы буйства, — тогда онъ билъ стекла, ломалъ все, что попадалось въ руки. Стекла ему уже вставили толстыя зеркальныя, но и ихъ онъ разбилъ въ дребезги. То его охватывало какое-то дѣтское чувство: онъ плакалъ, кричалъ, звалъ свою мать, и ему казалось, что она съ нимъ; онъ становился на колѣни передъ нею. То писалъ рапорты, приказанія казнить попа, коменданта и т. д., то посылалъ проектъ объ устройствѣ механическихъ заводовъ въ грандіознѣйшихъ размѣрахъ. Становилось прямо жутко, когда увидишь или услышишь его. На наше счастье его перевели. Спасти его было невозможно, надо было беречь здоровыхъ. И многихъ сценъ мы еще были свидѣтелями.

Трудно переживались такія исторіи. Вновь стали требовать увоза больныхъ. Просили доктора, чтобы онъ лично объяснилъ въ Департаментѣ невозможность дальнѣйшаго пребыванія такихъ больныхъ у насъ. Все это, конечно, дѣлалось и докторомъ, и комендантомъ, но безъ особенной настойчивости, пока имъ самимъ не пришлось на себѣ испытать „поближе“ состояніе больныхъ.

Какъ-то вечеромъ больной Конашевичъ стучитъ въ дверь.

— Что надо? — спрашиваетъ дежурный.

— Смотрителя позвать!

— Сейчасъ придетъ.

— Сейчасъ позвать!

— Сейчасъ послали за нимъ.

— Сейчасъ позвать! Тебѣ говорю! — все съ большей силой гремитъ въ дверь Конашевичъ и кричитъ.

Дежурный отходитъ отъ двери. Но это еще больше раздражаетъ Конашевича. Товарищъ, сидящій рядомъ, зоветъ дежурнаго.

— Чего требуетъ Конашевичъ?

— Больной зоветъ смотрителя, а онъ въ церкви, говѣетъ.

— Надо послать за нимъ.

— Послали. Сейчасъ придетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ корридорѣ раздаются шаги и звонъ шпоръ. Отворяется дверь у Конашевича. Товарищъ, сидящій рядомъ, прислушивается, затаивъ дыханіе, но разслышать черезъ толстыя стѣны ему ничего не удается.

— Вы все врете! — вскрикиваетъ Конашевичъ, и въ тотъ же моментъ что то тяжелое шлепнулосъ у дверей.

Въ камерѣ Конашевича поднялась возня, топанье, хрипъ и сдавленный голосъ. Сосѣдъ-товарищъ невольно стучитъ въ дверь и кричитъ: „что тамъ дѣлаютъ? Зачѣмъ бьютъ?“ Въ другія двери тоже гремятъ, и нашъ склепъ превращается въ адъ.

Смотритель не является ни къ кому, что еще больше заставляетъ подозрѣвать дикую выходку со стороны жандармовъ.

— Пустите, оставьте, я самъ надѣну рубашку, — громко кричитъ Конашевичъ.

Все смолкаетъ въ его камерѣ.

— Зачѣмъ табакъ убрали? Зачѣмъ тетради взяли? Чортъ васъ побери! Сейчасъ принесите назадъ! — вновь кричитъ Конашевичъ.

— Оставьте у него ихъ! — раздается приказаніе коменданта снизу.

Онъ тоже успѣлъ явиться.

— Что тамъ дѣлаютъ съ Конашевичемъ?— спрашиваютъ его.

— Ничего, надѣвали сумасшедшую рубашку: онъ ударилъ смотрителя.

Одинъ изъ товарищей проситъ пустить его къ Конашевичу.

— Хорошо.

Товарищъ входитъ. Конашевичъ лежитъ въ сумасшедшей рубашкѣ и сердито смотритъ.

— Что съ тобой, Василій? — спрашиваетъ его товарищъ.

— Ничего, хотѣли рубашку надѣть, я не дался, — неохотно отвѣчаетъ онъ и вдругъ, совершенно измѣнивъ тонъ, кричитъ:

— Уходи!

— Развѣ я тебѣ мѣшаю?

— Уходи, уходи, тебѣ говорю.

Товарищъ постучалъ, и его увели.

Послѣ этого Конашевичъ совершенно сталъ чуждаться и насъ.

Смотритель просилъ перевода въ другое мѣсто, но ему отказали.

V.

Исторія Конашевича не сопровождалась никакими репрессаліями; наоборотъ она только ускорила увозъ больныхъ. Правда, на нѣсколько дней у него были отобраны посуда и кое-какіе инструменты, какъ опасное оружіе. Но потомъ все было возвращено; только смотритель сталъ осторожнѣе и быстрѣе удовлетворять его требованія. Состояніе Конашевича сильно перемѣнилось: онъ точно разрядился въ послѣдней исторіи; сдѣлался спокойнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ нелюдимъ; все время проводилъ въ свистѣ и пѣніи, расшатывая всѣмъ нервы.

Подвернулась новая исторія. Наша администрація поджидала новаго министра внутреннихъ дѣлъ и, какъ водится, старалась очиститься отъ разныхъ вольностей, которыя мы завоевали себѣ въ мастерскихъ. Снова пошли попытки „сократить“ насъ; столкновенія съ жандармами участились. Они, по приказанію свыше, перестали выпускать въ корридоръ по двое.

— Это что за новость? — спрашиваетъ нашъ староста.

— Такъ приказано. Я ничего не знаю, — отвѣчаетъ вахмистръ.

— Надо позвать офицера!

— Хорошо.

Является только-что назначенный офицеръ.

— Что это значитъ? Каждый разъ, какъ только смѣняется офицеръ, у насъ заводятся новые порядки! — заявляетъ староста.

— Прежній офицеръ нарушилъ инструкцію.

— Пожалуйста, оставьте вашу инструкцію, — прерываетъ его староста.

— Это право предоставьте мнѣ, — повышеннымъ тономъ возражаетъ офицеръ.

Послѣднюю фразу слышитъ Лаговскій.

— П.! какъ ты позволяешь говорить ему такимъ тономъ? — кричитъ онъ въ форточку — это что за разговоръ? это дерзость!

Офицеръ поспѣшно летитъ къ его форткѣ и что то произноситъ. Лаговскій на его кричитъ. Этотъ крикъ слышатъ другіе. Появляется С. Ивановъ и еще нѣсколько человѣкъ, случайно выпущенныхъ изъ мастерскихъ. . . . Начались жаркія объясненія. Собрались и жандармы.

Что тутъ говорилось, конечно, трудно вспомнить; но одна фраза врѣзалась въ па-

мять, и она то, помнится, возмутила всѣхъ присутствующихъ.

— Уведите его въ камеру! — скомандовалъ офицеръ жандармамъ, указывая на С. И.

— Мы этого не позволимъ, — отвѣтили ему присутствующіе, ставъ между С. И. и жандармами.

— Такъ я потребую солдатъ, — воскликнулъ офицеръ, бросившись къ звонку.

Но тутъ одинъ изъ заключенныхъ схватилъ его за руку и остановилъ. Офицеръ растерялся, сталъ что-то бормотать. Мало по малу все улеглось. Мы заявили, что всѣ уйдемъ изъ мастерскихъ и ушли. Офицеръ немедленно доложилъ коменданту и смотрителю о случившемся, разумѣется, окрасивъ событіе собственными красками. У насъ тоже поднялся вопросъ о томъ, чтобы прекратить всякія отношенія къ этому офицеру и потребовать его удаленія. Была пущена бумага на голосованіе, но вышло неголосованіе, а обсужденіе: бумагу исписали вдоль и поперекъ разными примѣчаніями, соображеніями и т. д. Дѣло затянулось. Но какъ быть до рѣшенія? Вѣдь офицеръ каждый день является къ старостѣ по дѣламъ. Положеніе послѣдняго не-

выносимо, благодаря неопредѣленности рѣшенія. Согласились пока избѣгать обращаться къ офицеру, а если самъ явится, то тоже уклоняться отъ разговоровъ съ нимъ. Такъ какъ срокъ службы старосты кончался, и самъ онъ поспѣшилъ заявить, что не можетъ служить долѣе, то присоединился другой вопросъ: кого выбрать?

Когда былъ выбранъ новый староста, его снабдили окончательной инструкціей: заявить смотрителю, чтобы офицеръ ни за чѣмъ къ намъ не являлся, что съ нимъ не желаютъ имѣть дѣлъ. Обязанность довольно щекотливая, но выполнить ее было неизбѣжно, чтобы не вышло чего похуже.

Всѣ наши обсужденія происходили болѣе, чѣмъ открыто для жандармовъ. Тѣ уже заранѣе знали, что у насъ было рѣшено, и донесли куда слѣдуетъ. Офицеръ не замедлилъ забѣжать къ нѣкоторымъ и хоть что-нибудь сказать въ свое оправданіе, но безуспѣшно. Пробовалъ заговаривать — въ отвѣтъ молчаніе или фраза: „обращайтесь къ нашему старостѣ“. Послѣдній же заявляетъ, что онъ не можетъ съ нимъ говорить и желаетъ видѣть смотрителя.

— Вы меня звали? — спрашиваетъ послѣдній.

— Да, я хотѣлъ вамъ заявить, что послѣ того, какъ вашъ офицеръ велъ себя въ мастерской, я не могу обращаться къ нему ни по какимъ дѣламъ; кромѣ недоразумѣній и столкновеній ожидать ничего нельзя.

— Но вѣдь вы такимъ образомъ о всякомъ можете сказать, никого не пожелаете, — возражаетъ смотритель.

— Были у насъ прежде офицеры, мы не дѣлали подобныхъ заявленій.

— Но гдѣ же я вамъ возьму другого? Не самому же мнѣ все дѣлать!

— Это ужъ ваше дѣло. Мое же заявить вамъ и предупредить васъ.

— Вы несправедливо поступаете, обвиняя во всемъ только одного офицера. Вѣдь и ваши товарищи не совсѣмъ правы . . . раздражаются изъ-за мелочей.

— Я говорю съ вами не какъ судья своихъ товарищей и вашего офицера, а какъ человѣкъ, который желаетъ избѣжать всякихъ исторій.

— Но вы, какъ староста, должны сдерживать своихъ товарищей, останавливать ихъ.

— Такой полицейской роли я не беру на себя, она слишкомъ оскорбительна. Вы постарайтесь лучше, чтобы ваши подчиненные не раздражали насъ. Вы сами говорите, что товарищи вспыльчивы, — тѣмъ болѣе надо быть осторожнымъ съ ними, а вашъ офицеръ на это совсѣмъ не способенъ, и я повторяю, что къ нему обращаться ни за чѣмъ не буду, и прошу васъ сказать ему, чтобы онъ не являлся.

— Не знаю, доложу коменданту объ этомъ, какъ онъ согласится, — отвѣчаетъ смотритель: — у насъ свободныхъ офицеровъ нѣтъ.

— Какъ вамъ угодно: если вы не желаете исторій, то, конечно, уберете своего офицера.

Смотритель ушелъ очень недовольнымъ. Офицеръ же еще нѣсколько разъ являлся къ нѣкоторымъ, но встрѣтивъ враждебный пріемъ, прекратилъ свои визиты и вскорѣ куда то исчезъ.

Распространился слухъ объ увозѣ Похитонова въ больницу, который подтвердили вскорѣ и смотритель, и докторъ. Послѣдній былъ въ затрудненіи, какъ его вызвать изъ камеры: Похитоновъ отказался выходить изъ нея и будто бы догадывался, что его хотятъ отпра-

вить въ больницу умалишенныхъ. Но этому трудно повѣрить: у него былъ прогрессивный параличъ мозга, и процессъ шелъ чрезвычайно быстро.

— Мнѣ кажется, у него иногда бываютъ проблески сознанія, — говоритъ докторъ, — прямо его увезти не удастся. Придется обмануть.

— Все равно. Онъ, навѣрно, быстро успокоится, какъ только сядетъ въ кибитку, — говорилъ одинъ изъ дежурившихъ.

И, дѣйствительно, когда пришли къ Похитонову и сказали, чтобы онъ собирался, тотъ отказался сначала, но потомъ его удалось подъ какимъ-то предлогомъ вывести, больной охотно пошелъ и усѣлся въ крытую кибитку. Какъ его везли и какъ довезли до больницы — неизвѣстно. Докторъ сообщилъ только, что онъ былъ спокоенъ всю дорогу. Жандармы разсказывали, что Похитонова помѣстили въ лучшую больницу и увѣдомили родныхъ. Дорогою пишущему эти строки пришлось слышать, что къ больному, дѣйствительно, пріѣзжали братъ и сестра, но онъ уже ихъ не узналъ и ничего не понималъ.

Увозъ Похитонова произвелъ на всѣхъ какое-то двойственное впечатлѣніе: тоски и радости. Жаль было несчастнаго товарища, о дальнѣйшей судьбѣ котораго знать уже не придется. Здѣсь онъ былъ на глазахъ у товарищей, которые не позволяли грубаго съ нимъ обращенія. А тамъ . . . среди такихъ же больныхъ полулюдей, всѣмъ чужой и ни одной близкой души! . . . Эти мысли страшно тревожили насъ. Но въ насъ жилъ и эгоизмъ или чувство самосохраненія: мы радовались, что его нѣтъ, что наши нервы отдохнутъ, и оправдывали это чувство сомнительными надеждами на то, что тамъ ему все же будетъ лучше, тамъ не живая могила, а больница со всѣми приспособленіями. Это чувство прогрессировало, и у насъ явилась увѣренность, что и двухъ другихъ увезутъ тоже. Мы рѣшили при первой возможности заявить ревизору объ этомъ. Теперь есть на что сослаться, тѣмъ болѣе, что нервы подались даже у тѣхъ, кто казался неуязвимымъ съ этой стороны. Опасенія за нѣкоторыхъ такъ росли, что продержи еще годъ или два больныхъ въ тюрьмѣ, навѣрно, къ нимъ прибавилось бы двое или трое новыхъ. „Лучше умереть или покончить

съ собою, чѣмъ сойти съ ума", говорили нѣкоторые. „Да, если-бы знать только, когда это съ тобой случится".

Лѣтомъ 1896 г. пріѣхалъ въ тюрьму новый министръ внутреннихъ дѣлъ, Горемыкинъ, разумѣется, съ директоромъ департамента государственной полиціи, Зволянскимъ. Нашу усыпальницу почистили, прибрали, а сами жандармы принарядились въ свои парадные мундиры. По корридору зазвенѣли шпоры, захлопали двери. Новый нашъ хозяинъ обошелъ всѣхъ и показался ужаснымъ медвѣдемъ, неповоротливымъ, ненаходчивымъ; кромѣ привѣтствія и вопроса, нѣтъ-ли какихъ заявленій, жалобъ, онъ задавалъ весьма неудачные вопросы. Къ больнымъ же не захотѣлъ и заходить. Но Конашевичъ постучалъ настойчиво въ дверь и потребовалъ къ себѣ ревизора. Сидѣвшій рядомъ съ Конашевичемъ заключенный слышалъ отдѣльныя слова послѣдняго.

— Нѣтъ, вы посидите, я вамъ прочту, — горячо остановилъ Конашевичъ Горемыкина; и, какъ потомъ говорилъ смотритель, сталъ читать свое философское сочиненіе, въ которомъ не было ни одной связной фразы. Нѣ-

сколько разъ ревизія порывалась убраться, но настойчивый больной останавливалъ, хватая Горемыкина за руку и усаживая его на койку.

— Еще четверть часа: вы узнаете самое важное!

— Нѣтъ, вы лучше дайте мнѣ эту тетрадь, я перечитаю самъ, — сказалъ Горемыкинъ.

Такимъ образомъ исполнилась завѣтная мечта Конашевича. Онъ нѣсколько разъ давалъ свои тетради смотрителю для передачи выше, но каждый разъ получалъ ихъ назадъ безъ всякаго результата и подозрѣвалъ, что онѣ никогда не посылались по назначенію.

Ревизія вышла.

— Фу, какая тяжелая атмосфера! — пробормоталъ Горемыкинъ, очутившись въ коридорѣ.

Не знаю, относились-ли эти слова къ нравственной атмосферѣ или къ физической.

— Это табакомъ пахнетъ, — пояснилъ смотритель.

— Какимъ табакомъ?

— Да, они (заключенные) разводятъ свой табакъ и курятъ.

— Гмъ!

Заявили Горемыкину и о журналахъ, и о перепискѣ съ родными, и объ увозѣ больныхъ, и даже о табакѣ. На все онъ отвѣчалъ неопредѣленными обѣщаніями, которыя напоминали прежнія обѣщанія, такъ что мы ничего не ждали и отъ этой ревизіи. Но, оказалось, ошиблись.

Приближался срокъ еще двоихъ товарищей. Какъ водится, строились всевозможныя предположенія, особенно на счетъ одного изъ нихъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ оскорбившаго смотрителя дѣйствіемъ: всѣ думали, что ему прибавятъ лѣтъ пять. Но вдругъ заключеннымъ сообщаютъ, что пришла бумага объ увозѣ больныхъ.

Жандармы просіяли: имъ уже надоѣло возиться съ ними, да и боязнь за свою жизнь слишкомъ уже далеко зашла.

— Слава Богу! — крестится, снимая шапку, одинъ голубой, — намучились мы съ ними. Дерутся. . . . Какъ онъ тогда залѣпилъ-то смотрителю! . . . Я бы умеръ. У меня дѣти, жена.

— А если всѣхъ развезутъ! — пугливо перебиваетъ другой.

— Не дай Богъ! Куда мы дѣнемся? И имъ (заключеннымъ), и намъ теперь хорошо.

Такіе разговоры часто слышались и на вышкѣ, въ корридорѣ. Жандармовъ пугала мысль, что заключенныхъ могутъ всѣхъ увезти, и тогда имъ придется лишиться теплыхъ, хорошо оплачиваемыхъ мѣстъ. Но опасенія ихъ были напрасны. Пока только увозили больныхъ.

Въ день увоза насъ предупредили, чтобы мы не волновались, если больные станутъ сопротивляться и кричать. За Конашевича мы не боялись: онъ обрадуется. А вотъ Щедринъ, — тотъ навѣрно откажется. И, дѣйствительно, когда къ нему пришли докторъ и смотритель и сказали, чтобы онъ одѣлся, онъ отказался на отрѣзъ.

— Я никуда не пойду!

— Пожалуйте! Вы на пароходѣ поѣдете.

— Это что значитъ? Въ сумасшедшій домъ?

— Нѣтъ, въ Петербургъ, — обманываетъ его докторъ.

Споръ продолжается цѣлые полчаса. И наконецъ удалось уговорить.

Конашевичъ же точно переродился. Когда ему сказали, чтобы онъ одѣлся и забралъ свои тетради, табакъ, онъ отвѣтилъ:

— Чортъ съ ними! Меня увозятъ? Хоть на каторгу! По двадцать часовъ буду работать, лишь бы увезли отсюда.

Что это? Проблескъ сознанія, неудержимая жажда перемѣны? . . .

Нашъ склепъ притихъ. Тяжело было присутствіе товарищей, обратившихся въ полулюдей, но и отсутствіе ихъ чувствовалось. Первое время послѣ ихъ увоза только и разговору было, что объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Спрашивали доктора, смотрителя, какъ ихъ повезли, гдѣ оставили, куда помѣстили. Врали намъ безъ конца, но мы простодушно вѣрили, обманывали себя. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что оба сидѣли не одинъ мѣсяцъ въ Крестѣ, гдѣ, кажется, надъ ними производили опыты, чтобы удостовѣриться, не притворяются-ли (?). Потомъ ихъ будто-бы отправили сначала въ Казань, а оттуда въ Винницу (?).

Склепъ нашъ мало по малу пустѣлъ, хотя жизнь становилась сноснѣе. Вскорѣ разрѣ-

шили покупать табакъ на казенныя деньги, а затѣмъ и толстые журналы за истекшіе годы. Съ какой жадностью набросились на нихъ заключенные. Читали отъ доски до доски, стараясь угадать общественное движеніе. Чѣмъ-то живымъ пахнуло на насъ. Воскресло прошлое. Сравнивали современную литературу съ прошлой. Какая разница! Это прошлое отошло въ вѣчность. Отжила прежняя литература, отжили и читающіе. Теперь что-то новое, точно чужое. Чужое потому, что въ немъ больше разсудка и меньше сердца, чувства. Старые идеалы, которыми когда-то жили заключенные, называютъ утопіей. Ожесточенная полемика двухъ направленій, во многомъ родственныхъ и близкихъ, вызывала досаду и горечь. Вмѣсто того, чтобы общими силами бороться съ врагомъ, поднята взаимная травля. Сколько было споровъ, строились всевозможныя догадки о томъ, выражаютъ-ли литературныя направленія дѣйствительное современное движеніе, или же плаваютъ надъ его поверхностью. Въ тюрьмѣ были сторонники новаго теченія, которые, разумѣется, ликовали, но большинство — противники.

Во многихъ псевдонимахъ угадывали настоящихъ авторовъ. . . .

Рядомъ съ живой литературой, открылись лекціи по зоологіи, палеонтологіи, конечно, съ собираніемъ коллекцій. Палеонтологія особенно смущала тюремныхъ стражей: заключенные копались повсюду, ковыряли наружныя стѣны, отыскивая отжившихъ ракушекъ, трилобитовъ и пр. и пр. На тюремномъ островѣ — силлурійская система, и въ ней этого добра не мало.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, не разбивайте стѣнъ, — уговаривалъ смотритель, когда заключенные особенно увлекались.

Было разрѣшено покупать недостающіе экземпляры на деньги, ассигнованныя для мастерскихъ. Тюремный музей значительно пополнился и сталъ разнообразнѣе. Ящички, коробочки заключенные дѣлали, конечно, сами. Но увы, и они не спасали собранныхъ коллекцій: короѣды истребляли и портили насѣкомыхъ; часто вмѣсто цѣлыхъ экземпляровъ оставалась одна труха; или рѣдкія бабочки валялись на днѣ коробки съ объѣденными крыльями и лапками. В. Н., какъ главный блюститель музея, приходила въ отчаяніе.

Разрѣшили выписывать два иностранныхъ журнала: французскіе „Revue des revues“ и „Cosmopolis“. Изъ нихъ черпали довольно скудныя политическія свѣдѣнія, но все же они оказывали важную услугу, не давая забывать иностранные языки. Даже наоборотъ, заставляли приняться за нихъ посерьезнѣе. Лекціи англійскаго языка участились, и у нѣкоторыхъ страсть къ изученію языковъ развилась до болѣзненности. Впрочемъ въ такой обстановкѣ все дѣлается порывами, съ большимъ увлеченіемъ: надо-же наполнять безсодержательную жизнь! . . .

Подписались въ одномъ изъ музеевъ Петербурга, откуда намъ привозили палеонтологическія коллекціи. Интересъ къ изученію палеонтологіи возросъ. Тѣ, кто прежде иронически относились къ подобнаго рода занятіямъ, сами стали втягиваться. Лѣтомъ подобныя лекціи — истинное наслажденіе. Въ двухъ-трехъ сосѣднихъ клѣткахъ или огородахъ собираются гуляющіе по два въ каждомъ, умащиваются возлѣ забора на подмостки и по очереди разсматриваютъ коллекціи, а лекторъ поясняетъ. Зимой же стоять на одномъ мѣстѣ на морозѣ въ 10^0—15^0 слишкомъ не-

удобно и утомительно. Несмотря впрочемъ на это, лекціи не прекращаются и зимою. Передъ отъѣздомъ изъ тюрьмы пишущаго эти строки, собирались устроить новыя чтенія по электричеству и механикѣ. Бывали общія чтенія и разныхъ журнальныхъ статей по общественнымъ вопросамъ. Но они нерѣдко кончались раздраженіемъ. Возникали ужъ слишкомъ горячіе дебаты, а потому такого рода чтенія быстро сходили съ горизонта: изъ-за словъ стоитъ-ли портить отношенія и отравлять жизнь, тѣмъ болѣе, что переубѣдить другъ друга нѣтъ никакой надежды? Будь условія нѣсколько получше, чтобы можно было хоть два раза въ недѣлю всѣмъ собираться вмѣстѣ для занятій, очень многому можно бы было поучиться, а то одинъ сидишь, корпишь-корпишь надъ книгою и все-таки дѣлаешь маленькіе успѣхи. Да у нѣкоторыхъ единоличное занятіе прямо не шло, быстро надоѣдало, и пропадала охота.

Но послѣ увоза больныхъ замѣтенъ былъ подъемъ духа; кандидаты на выходъ усердно принялись за изученіе различныхъ предметовъ: кто медицины, кто математики и т. д.

Къ сожалѣнію, разсѣявшаяся было мгла снова повисла надъ тюрьмой.

Заболѣлъ Юрковскій и заболѣлъ безнадежно. Онъ и прежде страдалъ разстройствомъ кишечника и пузыря, но тутъ присоединилась водянка. Цѣлый мѣсяцъ она мучила его, и изо дня въ день ждали его смерти. Начальство позволило намъ дежурить возлѣ него и день, и ночь: присутствія жандармовъ онъ совершенно не выносилъ; на гулянье водили его подъ руки. Докторъ сказалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не поправится, если только не увезутъ. А у насъ была надежда на это послѣднее. Смотритель кому то сказалъ, что мать Юрковскаго была въ Петербургѣ и хлопотала о немъ. Мы знали, что связи у нея большія, да тутъ еще коронація, можетъ быть и увезутъ. Самъ Юрковскій тоже надѣялся на это и часто говорилъ, что его должны увезти. Но это были уже послѣдніе дни его, когда онъ страшно страдалъ: ни стоять, ни лежать онъ не могъ, захлебывался, и наканунѣ смерти, какъ только приступы прилива воды стали усиливаться, попросилъ товарищей придти попрощаться. Женщинъ тоже пустили. Утромъ, часа въ четыре, онъ умеръ

на рукахъ двухъ дежурныхъ товарищей. Они же его обмыли, одѣли при помощи жандармовъ. Одинъ изъ послѣднихъ даже расчувствовался, укладывая покойнаго въ ящикъ.

— Эхъ, Ѳеодоръ Николаевичъ, послужилъ я тебѣ живому, послужу и въ послѣдній разъ.

Его тѣло почти сутки стояло въ камерѣ, и намъ само начальство предложило сходить проститься. . . . Тяжелыя минуты, хотя всѣ были подготовлены къ такому концу.

Нѣкоторые изъ товарищей видѣли въ окна, какъ солдаты унесли гробъ на носилкахъ за внѣшнія ворота. Кромѣ синихъ мундировъ ни одной родной души не могло сопровождать покойника. Не ждетъ-ли у всѣхъ насъ такая развязка? . . .

Опять надъ склепомъ повисъ саванъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Но какъ мало не дожилъ Юрковскій! Черезъ два или три мѣсяца, когда заключенные готовились проводить двухъ товарищей на волю, вдругъ вызвали всѣхъ изъ мастерскихъ въ необычное время. Зачѣмъ? Почему? Нѣкоторые подогадливѣе заглянули къ товарищамъ въ фортки по дорогѣ и на всякій случай простились: отче-

видно догадывались, что хотятъ увезти. Вѣдь и прежде убирали неожиданно, точно выкрадывали, не давъ проститься. Водворили всѣхъ заключенныхъ по своимъ кельямъ и заперли. Одинъ сгоряча возмутился, что сдѣлали это безъ всякихъ объясненій, постучалъ въ дверь и потребовалъ возвращенія его въ мастерскія.

— Сейчасъ придетъ комендантъ, — отвѣтилъ ему вахмистръ.

Двери захлопали, въ корридорѣ поднялась какая то суматоха. Вотъ хлопнула дверь въ одной изъ камеръ, гдѣ сидѣлъ Яновичъ.

Одинъ изъ сосѣдей стучитъ.

— Что случилось?

— Меня увозятъ . . . мнѣ объявили . . . въ Иркутское генералъ-губернаторство, — отвѣчаетъ онъ какъ-то безсвязно, взволнованно.

— Что такое? — переспрашиваетъ его другой сосѣдъ, Г. Л.

Но отвѣтъ получается еще болѣе смутный. Заключенные начинаютъ сердиться. Но вотъ опять отворяется дверь. Входитъ комендантъ съ бумагою, поздравляетъ. Заключенный молчитъ. Затѣмъ комендантъ читаетъ бумагу:

По представленію мин. внутр. дѣлъ и пр. . . сокращается срокъ на одну треть, до окончанія же срока оставить такого-то въ этой крѣпости.

— А другимъ товарищамъ? — спрашиваетъ заключенный.

— То же, — отвѣчаетъ комендантъ, показывая заключенному бумагу.

На корридорѣ идетъ трескотня, ничего не разберешь, что стучатъ. Другъ друга перебиваютъ. Затѣмъ уводятъ въ мастерскія. По порогѣ одинъ изъ жандармовъ, который когда-то присутствовалъ при разговорѣ одного изъ заключенныхъ съ генераломъ Оржевскимъ на счетъ поведенія, говоритъ ему:

— А что, г. Х., ваши слова не оправдались. Помните, что вы говорили генералу Оржевскому, что уже не разсчитываете отсюда выдти, не переживете. Вотъ видите. Онъ былъ правъ, уговаривая васъ вести себя иначе. Поздравляю.

Заключенный молчалъ: онъ ничего не понималъ и не до того ему было; ему, какъ и всѣмъ другимъ, хотѣлось поскорѣе узнать, что съ другими. Фантазія разыгралась; дума-

лось, что манифестъ примѣненъ ко всѣмъ. Какъ скоро, однако, пришлось разочароваться! . . .

Мастерскія полны народомъ. У фортки В. Н. толпа; смѣхъ, слезы, оживленные разговоры.

— Панкратовъ, а вамъ? — спрашиваетъ одного изъ пришедшихъ В. Н.

— Тоже. А вамъ?

— Ура! Панкратовъ, — кричитъ она.

— А вамъ, Вѣра, — спрашиваетъ ее Панкратовъ.

— Нѣтъ. Мы сначала молодежь проводимъ. Ура! Панкратовъ! — повторяетъ она, желая согнать огорченіе, что не ко всѣмъ примѣненъ манифестъ, а всего къ восьми человѣкамъ.

— Къ кому? — спрашиваетъ одинъ изъ присутствующихъ.

Оказывается, пятерыхъ немедленно должны увезти. Ихъ срокъ теперь уже кончился. Троихъ перевели изъ безсрочныхъ въ срочные, да одному съ 20 л. сократили срокъ на треть.

— Панкратовъ, устраиваемъ проводы, — ликуетъ В. Н.

— Людмила, ну что ты плачешь, словно на похоронахъ, — утѣшаетъ она свою подругу.

— Я возмущена. Почему не ко всѣмъ? . . .

— Ну, это уже дѣло ихъ; мы все же должны радоваться, что хоть вы выйдете.

Нельзя было согласиться съ такимъ доводомъ. Уходить самому и оставлять товарищей, друзей по какому то капризу судьбы, слишкомъ тяжело и обидно.

Стали обсуждать мотивы, какими руководствовались при примѣненіи манифеста: ни одинъ не подходитъ. Хорошее, кроткое поведеніе не могло служить поводомъ: противъ этого выставлялось поведеніе одного изъ заключенныхъ, считавшееся у начальства чуть ли не самымъ дурнымъ. Прошлая дѣятельность? Почему въ такомъ случаѣ къ Стародворскому примѣненъ, а къ С. И. и А. нѣтъ. Словомъ, кто ихъ знаетъ, чѣмъ тамъ руководствовались. Скоро начальство пустило слухъ, что и къ остальнымъ примѣнятъ. Первые дни огорченія прошли. Уѣзжающихъ пять человѣкъ. Изъ нихъ трое чувствовали себя, какъ никогда: повеселѣли, ободрились и ходили въ какомъ то праздничномъ настрое-

ніи, съ нетерпѣніемъ ожидая увоза. Остающіеся продолжали ликовать, собирать въ дорогу товарищей. Особенно старалась милая В. Н., точно она сама покидала этотъ склепъ. Затѣяла прощальный обѣдъ, стряпала, шила, вязала и день, и ночь. Вызвала начальство и просила о томъ, чтобы тайкомъ, какъ прежде, не увозили товарищей, а дали бы попрощаться. Начальство само было въ какомъ-то особенномъ состояніи и обѣщало исполнить эту небольшую просьбу.

Отправка затягивалась со дня на день. Шапки дорожныя уже давно выдали, и наши заключенные гуляли уже въ нихъ. Странный обычай: всякій разъ, когда кого-либо увозили, награждали кучерскими шапками съ плисовымъ синимъ верхомъ и плюшевой окружностью. Остальной же костюмъ оставляли прежній. Эти шапки были извѣстны въ тюрьмѣ подъ именемъ „шапокъ боярокъ“.

Въ ожиданіи увоза всѣ умственныя занятія были заброшены. И до нихъ-ли? Такого событія въ тюрьмѣ еще не бывало: провожали на волю сразу пятерыхъ товарищей! Хотѣли проводить ихъ, какъ слѣдуетъ. Настряпали

пирожковъ, пряниковъ, пустили въ ходъ запасныя овощи, а предусмотрительный А. приготовилъ черничную шипучку и написалъ афишу: „Прощальный концертъ. По случаю отъѣзда сопрано, съ участіемъ г-жи В. Фигнеръ и съ акомпаниментомъ гитары". Разрисовалъ ее на славу. Всѣ хохотали до судорогъ. Но вышла не шутка. Утромъ въ день увоза на гуляньѣ въ сосѣднихъ клѣткахъ собрались пѣвцы и пѣвицы: всѣ были, какъ говорится, въ ударѣ и отлично пропѣли любимыя пѣсни: „Ахъ не одна то во полѣ дороженька", „Ой, не гораздъ запорожці" и дуэтъ: „Не искушай".

Публика отчаянно аплодировала изъ другихъ клѣтокъ и огородовъ.

— Прощай сопрано! Съ кѣмъ то вы будете теперь распѣвать? — говоритъ А.

— Съ М. Онъ вѣдь тамъ, — весело отвѣчаетъ В. Н. ла Людмилу.

— Я охотно осталась бы здѣсь съ вами,— возражаетъ Людмила съ грустью.

Она больше всѣхъ грустила. Это человѣкъ чрезвычайно привязчивый, нѣжный, прекрасный товарищъ.

— Людмила, пора это оставить. Намъ было бы тяжелѣе, если бы случилось такъ, какъ ты хочешь.

— А все же жаль съ тобою разставаться. Можетъ быть, ужъ не увидимся — разчувствовался одинъ изъ сосѣдей.

— Эхъ, ты цыганъ, ты скоро самъ выйдешь. Съ тобою то скорѣе всего увижусь, — возражаетъ она мнѣ.

— Тогда будете дуэты распѣвать. Онъ тебя будетъ учить играть на гитарѣ. Дѣти мои, пойте лучше! Что за разговоры? — восклицаетъ В. Н. — и опять концертъ.

Въ мастерскихъ уже кулинары приготовили обѣдъ, да такой изысканный, что и на волѣ впору.

Въ третьемъ часу всѣхъ развели по камерамъ. Явилось начальство. Уѣзжающихъ переодѣли и стали водить по камерамъ — прощаться съ остающимися товарищами. Людмила тоже побывала у всѣхъ, у всѣхъ поплакала. Для нея разлука была гораздо тяжелѣе, чѣмъ для другихъ. . .

Когда ихъ выводили изъ тюрьмы, кто могъ забрался на окно и далеко провожалъ ихъ глазами. Идя по двору, они оборачивались

и низко клянились. Все это было точно сновидѣнье: плохо вѣрилось, что навсегда разстаешься съ ними. Махали имъ въ фортки платками. Какое состояніе переживали они, озираясь на эту живую могилу, гдѣ оставляли столько дорогихъ живыхъ и мертвыхъ друзей, гдѣ пережили самые тяжелые годы своей жизни! . . . Только тогда и поймешь, когда самъ переживешь эти минуты. Для такого состоянія едва-ли найдутся слова.

VI.

Вскорѣ послѣ увоза товарищей распространился слухъ, что предполагается раскассировать нашъ склепъ. Этотъ слухъ пустила сама мѣстная администрація и дала поводъ заключеннымъ строить различныя предположенія: кто говорилъ, что переведутъ всѣхъ на Сахалинъ, кто на Кару, и т. д. Были между прочимъ и такіе, которые желали только на Кавказъ, отдаленнымъ же мѣстамъ предпочитали склепъ.

— Знаю я жизнь въ Якутскѣ: тамъ похуже, чѣмъ здѣсь, — серьезно и даже раздраженно говорилъ П-овъ: тоже. тюрьма, только безъ стѣнъ, но зато человѣкъ связанъ и еще больше чувствуетъ нравственный гнетъ. Что это за свобода? Не смѣй заниматься тѣмъ, другимъ, не смѣй уйти въ другое мѣсто. . .

— Ну, ты, братъ, разсуждаешь такъ, только пока здѣсь. Ты шутишь конечно! — Съ добродушной ироніей возражаетъ ему Тр.

П. сердится. Онъ говоритъ вполнѣ серьезно.

— Хорошо же тебя здѣсь приручили! . . .

Но вотъ появляются признаки разочарованія въ скоромъ увозѣ. В. Н. приносятъ подлинное письмо отъ сестры и прибавляютъ, что переписка будетъ разрѣшена для всѣхъ.

В. Н., еще не просмотрѣвъ письма, стучитъ на всю усыпальницу о первой ласточкѣ и по всей тюрьмѣ раздается стукъ — ура! Со всѣхъ сторонъ задаютъ вопросы на перебой: разобрать ничего нельзя.

— Завтра на гуляньѣ. Я еще не читала. . .

Но жажда подѣлиться радостью взяла верхъ, и въ тотъ же вечеръ В. Н. простучала по тюрьмѣ нѣкоторыя новости.

На слѣдующій день она прочитала на гуляньѣ самыя интересныя мѣста, причемъ аудиторія находилась по одну сторону забора, а она по другую. Восторгамъ не было конца, но не обошлось безъ слезъ. . . Строки родного человѣка, любящей сестры, такъ разстроили чтицу, что она нѣсколько разъ прерывала свое чтеніе. Чѣмъ-то живымъ, свѣтлымъ повѣяло на всѣхъ; словно намъ пробили эти стѣны, и за ними открылся намъ новый міръ; насъ возвратили въ далекое прошлое.

Если бы авторъ письма былъ очевидцемъ всего этого, то онъ счелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей.

Въ февралѣ 1897 г. всѣмъ заключеннымъ объявили о томъ, что разрѣшена личная переписка съ ближайшими родственниками, но не болѣе двухъ разъ въ годъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было разрѣшено полученіе всѣхъ періодическихъ изданій за истекшіе годы и ассигнована опредѣленная сумма на выпуску ихъ и на покупку книгъ, въ размѣрѣ 144 руб. въ годъ.

Многіе тотчасъ же потребовали себѣ почтовой бумаги и конвертовъ и принялись пи-

сать. Написанное предварительно прочитывалось ближайшимъ товарищамъ и друзьямъ и только тогда передавалось, куда слѣдуетъ. Хотя контроль сильно стѣснялъ, но часто посланія выходили необыкновенно хороши: задушевны, просты и бодры.

Поднялись общественныя вопросы о томъ, какъ употребить ассигновку. Вотъ тутъ-то спорамъ, предложеніямъ не было конца. Общественные листы, выпускаемые библіотекаремъ, исписывались вдоль и поперекъ.

Баллотировка, споры, часто весьма ожесточенные, продолжались больше недѣли. Несчастному библіотекарю окончательно разстроили нервы: онъ готовъ отказаться отъ своей обязанности и спрятаться въ свою скорлупку. Его роль въ такихъ случаяхъ самая невыносимая: каждаго надо выслушать, надо прочесть каждое замѣчаніе, предложеніе, выдержать горячую аттаку со стороны нервныхъ товарищей; составить сводку, настрочить новую бумагу и опять бѣгать отъ одного къ другому выслушивать одобренія и порицанія. Не рѣдко случалось и такъ, что одно и то же лицо предлагаетъ два совершенно противоположные проэкта на двухъ листахъ.

— Вотъ и разберись тутъ? — сердито буркнетъ библіотекарь: больные люди. Остается только отказаться.

— Тѣмъ болѣе тебѣ нечего на нихъ сердиться, — успокаиваетъ библіотекаря одинъ изъ товарищей, боясь, какъ бы онъ дѣйствительно не отказался.

Вѣдь тогда дѣло осложнится выборомъ новаго библіотекаря. Да и гдѣ его взять? Подходящіе люди сами отказываются, а нежелательныхъ, — слишкомъ нервныхъ — и выбирать нельзя.

Наконецъ, всѣ, кажется, утомились безплодными спорами, и вопросъ рѣшился въ смыслѣ перваго предложенія: часть денегъ должна быть оставлена въ общественной кассѣ для выписки журналовъ, другая — подѣлена на паи.

Разрѣшили подписаться въ музей и брать оттуда коллекціи зоологическія, палеонтологическія и т. д.

Получилось нѣсколько писемъ отъ родныхъ, которыя читались, какъ общее достояніе, какъ журналъ или газета. Правда, многія походили на некрологи: за 11 лѣтъ у кого умерли родители, у кого братья, сестры.

Съ нашими письмами иногда случались большія непріятности: если въ нихъ что нибудь не нравилось начальству, то ихъ клали просто подъ сукно, не сообщая даже объ этомъ. Письмо С. И. пролежало такимъ образомъ 4 мѣс. въ Департ. Пол. Когда онъ сдѣлалъ запросъ, послано-ли его письмо, ему письмо возвратили съ прибавленіемъ, что писать о нашей жизни нельзя. . .

Были и другіе образы великодушія. . . . Триг. получилъ письмо отъ матери, въ которомъ она сообщаетъ, что была въ Деп. Пол. и просила свиданія, но получила отказъ. Изъ Деп. Пол. очевидно сдѣлали распоряженіе нашему коменданту поговорить на этотъ счетъ съ Тр. Комендантъ поручилъ вести такой щекотливый разговоръ смотрителю. Послѣдній подавъ письмо Тр., прибавилъ: „Ваша матушка была въ Деп. Пол. и ходатайствовала тамъ о свиданіи съ вами. Деп. Пол. отвѣтилъ, что отъ васъ зависитъ не только свиданіе съ матерью, но и васъ могутъ выпустить въ Петербургѣ“. Ясный намекъ на прошеніе. Тр. такъ и понялъ его, едва не вспыливъ отъ такой дерзости. Было чѣмъ возмутиться человѣку, просидѣвшему

17 лѣтъ. По счастью дѣло обошлось безъ всякихъ исторій. Тр. отвѣтилъ довольно спокойно: не отъ меня зависѣло, что я здѣсь, не отъ меня зависитъ, и продолженіе моего здѣсь пребыванія.

Черезъ мѣсяцъ ревизовалъ у насъ генералъ Пантелѣевъ. По примѣру своихъ предшественниковъ болталъ, любезничалъ. У одного изъ заключенныхъ онъ зондировалъ настроеніе, его намѣренія и нравственное самочувствіе (?), даже поздравилъ его со скорымъ выходомъ и наговорилъ ворохъ небылицъ относительно свободы, какая ожидаетъ его въ Сибири. Заключенный выразилъ сомнѣніе, сказавъ, что знаетъ условія ссылки и смотритъ на нее, какъ на обширную тюрьму безъ стѣнъ.

— Такъ было въ ваше время, — возразилъ онъ: теперь политическихъ не стѣсняютъ. Тамъ строится желѣзная дорога, и такіе люди, какъ вы, нужны: многіе ужъ служатъ. . .

Заключенный все таки остался при своемъ мнѣніи и заявилъ только, чтобы ему разрѣшили свиданіе съ родными.

8-го марта кончился срокъ Панкратова, но въ этотъ день его не увезли. Товарищи волновались. В. Н. предложила позвать комен-

данта и потребовать объясненій. Панкратовъ отказался.

— Нечего съ нимъ церемониться! Что это за пляска на нервахъ? — говорила В. Н.

— Можетъ быть, они передумали, чортъ съ ними! Звать я никого не буду. Вѣдь, мнѣ даже не объявляютъ, куда отправятъ, — говорилъ Панкратовъ.

— Я сама позову, если завтра ничего не будетъ.

Но звать не пришлось. На слѣдующій день смотритель кому-то сказалъ, но не Панкратову, что сегодня его увезутъ, а куда — неизвѣстно. Это было тѣмъ болѣе странно, что всѣмъ другимъ объявляли назначеніе, а Панкратову нѣтъ.

Передъ обѣдомъ Панкратовъ попрощался съ товарищами и былъ переведенъ въ пустую камеру, гдѣ отобрали у него старое платье и бѣлье и дали все новое, не ради опрятности, конечно, но для осмотра. . . Затѣмъ явился офицеръ, сталъ въ дверяхъ и пробормоталъ едва слышно: по указу . . . . вы освобождаетесь изъ Шлиссельбургской крѣпости — и только. Но куда? Можетъ быть, въ другую крѣпость. Почему не объ-

являютъ куда, спрашивалъ себя Панкратовъ, и невеселыя мысли замелькали у него въ головѣ. А тутъ еще разлука съ дорогими товарищами. Панкратовъ потребовалъ, чтобы ему въ послѣдній разъ отворили двери В. Н., чтобы проститься. Двери отворились. Бѣдная В. Н.! У нея на глазахъ слезы. . .

— Прощайте, Панкратовъ! Вы навсегда останетесь такимъ, какъ были здѣсь и на волѣ. Я надѣюсь! . . . Хорошо, что зашли еще проститься. . . Радостей и васъ ожидаетъ мало, но пусть поменьше будетъ горя. . . . Прощайте! . . .

Трудно упомнить, что говорилось на эти пожеланія.

Дверь снова захлопнулась. На корридорѣ Панкратовъ крикнулъ послѣднее „прости“. Идя по двору, онъ оглядывался назадъ и могъ видѣть черезъ внутреннюю ограду, какъ въ окнахъ тюрьмы мелькаетъ платокъ, киваютъ знакомыя лица. Не потянуло-ли его назадъ въ тюрьму? . . .

Послѣ отъѣзда Панкратова въ Шлиссельбургской крѣпости осталось 14 человѣкъ. Изъ нихъ пятеро срочныхъ и 9 человѣкъ безсрочныхъ.

Срочные:

Тригони, Михаилъ Николаевичъ, оканчиваетъ срокъ въ 1902 г. весною. Былъ арестованъ въ февралѣ 1881 г. До 1884 г. сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Поливановъ, Петръ Сергѣевичъ, тоже оканчиваетъ срокъ въ 1902 г., но осенью, въ августѣ. Арестованъ въ 1882 г. До перевода въ Шлиссельбургскую крѣпость сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Ашенбренеръ, Михаилъ Юльевичъ, былъ арестованъ въ 1883 г. Срокъ кончитъ въ 1904 г., въ сентябрѣ.

Ивановъ, Василій Григорьевичъ, срокъ кончитъ вмѣстѣ съ Ашенбренеромъ, арестованъ былъ въ февралѣ 1883 г.

Стародворскій, Николай Петровичъ, арестованъ былъ въ маѣ или апрѣлѣ 1884 г. Кончитъ срокъ только въ 1907 г., такъ какъ ему не зачтены 3 года предварительнаго заключенія.

Безсрочные:

Антоновъ, Петръ Леонтьевичъ, арестованъ въ 1885 г. лѣтомъ; въ Шпюссельбургскую крѣпость привезенъ въ 1887 г.

Лопатинъ, Германъ Александровичъ, арестованъ осенью 1884 г., въ Шлиссельбургскую крѣпость привезенъ въ 1887 г.

Лукашевичъ, Іосифъ Дементьевичъ, и Новорусскій, Михаилъ Васильевичъ, оба арестованы въ 1887 г. весною; въ Шлиссельбургскую крѣпость привезены лѣтомъ въ томъ же году.

Морозовъ, Николай Александровичъ, арестованъ въ началѣ 1881 года; до Шлиссельбургской крѣпости сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Поповъ, Михаилъ Радіоновичъ, арестованъ въ 1880 г., вначалѣ былъ на Карѣ, съ Кары его перевезли въ Петропавловскую крѣпость, а затѣмъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Фроленко, Михаилъ Федоровичъ, арестованъ 1881 году; до Шлиссельбургской крѣпости сидѣлъ въ равелинѣ.

Фигнеръ, Вѣра Николаевна, арестована въ февралѣ 1883 г.